

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АНДРЕЙ БЕЛЯНИН
**КАЗАК
В АДУ**

Казак

Андрей Белянин

Казак в Аду

«Автор»

2008

Белянин А. О.

Казак в Аду / А. О. Белянин — «Автор», 2008 — (Казак)

Антисемитско-русофобский заговор «на земли и на небеси» продолжается! Иван Кочуев – бывший филолог, с головой ушедший в казачество, с златоустовской шашкой и нереализованными страстями. Рахиль Файнзильберминц – тихая еврейская девочка, носящая военную форму, не расстающаяся с автоматом и ругающаяся на четырёх языках, включая эльфийский. Эта сладкая парочка победила и заслуженно ждёт пропуска в райские кущи. Святой Пётр уже почти раскрывает книгу праведников на нужной странице, один росчерк пера, но... Но, как всем известно, у казаков и евреев общего Рая не бывает. А вот общий Ад запросто! Да ещё какой – в лучших традициях ужасов и мучений всех времён, религий и вер! Заходите, не бойтесь, взгляните сами... Здесь вам и воскресшие индусские ракшасы, жаждущие человеческой плоти! Адские твари языческой нави, выползающие в ночи на зов жертвенной крови! Белое Братство, верное своей ненависти и бездушию! Геенна Огненная, огромные сковороды, полные грешников, кровавые вампиры латинских кварталов, маньяки, убийцы, а также и. о. Вельзевула, всегда готовый подсунуть юридически оформленный договор о купле-продаже души... Здесь нет понятий чести, благородства и совести, да и сам Всевышний сюда почти не заглядывает. Ибо легко любить Бога в Раю, а есть ли место любви в мире Вечной тьмы? Короче говоря, добро пожаловать к нам в Ад! И всё из-за одного невинного поцелуя...

© Белянин А. О., 2008

© Автор, 2008

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	10
Глава третья	14
Глава четвёртая	18
Глава пятая	22
Глава шестая	26
Глава седьмая	29
Глава восьмая	33
Глава девятая	36
Глава десятая	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Андрей Белянин

Казак в Аду

- Итак, начинаем?
- Папа...
- Что?! Я всё сделал – эльф остался, лошадку починили, декорации сменены!
- Папа...
- Всё новое – игра, условия, уровень. Прежние только герои. Я даже оставил им эту твою любовь. Правда, с некоторой коррекцией, но...
- Папа, это нечестно!

...А вот Иван Кочуев совершенно честно стоял в очереди у райских врат, и душа его пела. Причём не кавалерийские казачьи марши и не благозвучные псалмы с тропарями, а нечто абсолютно легкомысленное. Казалось, безумно давно пройден короткий жизненный путь: получение новеньких подбесаульских погон, утверждение его как «заматамана по вопросам печати» и невнятная смерть под колесами джипа с пьяными кавказцами – как вот она, награда! Настоящий, истинный, неподдельный – Рай...

За ажурным златокованным забором высились изумрудно-зелёные кущи, слышалось отдалённое пение ангелов, умиротворяюще звучала неземная музыка. Покой и благодать снисходили на достойные души, очередь была длинной, но двигалась быстро. Все необходимые формальности были давно соблюдены, святой Пётр-ключник лишь ставил крестик напротив имени новоприбывшего в большой бухгалтерской книге и, улыбаясь, пропускал всех к вечной жизни.

Всё, казалось, предрешиено и распланировано, случайности исключены, вопросы заданы и ответы получены сполна! Молодой человек, всей душой рвущийся в Рай, ни за что не смог бы объяснить даже самому себе, почему он вдруг сделал решительный шаг влево и, заломив фуражку, пошёл куда-то совсем не туда... На удивлённый взгляд святого казак лишь нервно дёрнул усом, извиняясь на ходу:

- Надо мне... вспомнил я... очень надо! Забрать тут одну... Рахиль! Рахиль Александровна, где тебя черти носят?!

...А та самая Рахиль Александровна Файнзильберминц, стройная черноволосая упрямица в форме мотострелковых войск государства Израиль, тоже поначалу ни о чём не помнила. Она стояла в другой очереди, с другой стороны, хотя вроде бы и в то же самое место. Эта очередь двигалась заметно медленнее, но так тихо, вежливо и уверенно, словно у стоящих в ней были какие-то льготы. Однако святой Пётр, несмотря на национальность, поблажек, кажется, не делал никому...

Поэтому и Рахиль столь же ровненько стояла, без суеты и эмоций, ожидая своего пропуску в Рай. Никто бы не поверил, что эта тихушница и скромняга, трагически погибшая во время взрыва автомобиля араба-смертника, умеет прекрасно обращаться с оружием, знает приёмы рукопашного боя, ругается на двух языках и говорит с такой пулемётной скоростью, что заткнуть её практически невозможно. Многие пробовали, и зря...

Теперь же, когда её резко схватил за рукав незнакомый молодой человек в казачьей форме, она лишь подняла на него удивлённые карие глаза...

- Рахиль, это я! Я! Узнаёшь?
- Каждый из нас так это чьё-то «я»... Не узнаю.
- Ты издеваешься?!
- В преддверии святого порога?! – привычно отвечая вопросом на вопрос, ужаснулась она. Парень казался дико знакомым, но память отказывала категорически и без объяснения причин.

– Ага... – тупо пробормотал себе под нос казак. – Не узнаёшь, значит. Столько вместе пережили, сколько всего прошли, столько... А теперь ты в отдельной очереди стоишь.

– Таки вас пропустить? Охотно, проходите первым, не будем ссориться.

Бывшего подъесаула затрясло, в определённых ситуациях он явно проигрывал из-за ярко выраженной неуравновешенности характера. Обычно в подобных случаях положено хвататься за шашку, рубить сплеча, шумно материться и выяснять отношения на более повышенных тонах, однако...

Господин Кочуев был не обычный казак, а с законченным филологическим образованием.

– Хочешь, фокус покажу? Закрой глаза.

И едва простодушная израильтянка автоматически опустила ресницы, как её губы запечатал крепкий мужской поцелуй!

– Ваня-а... – не открывая глаз, определила Рахиль...

Глава первая

О том, что если вы не попали в Рай, то на пятьдесят процентов – вы в Аду, а это неприятно. Хотя, если вас закинуло болтаться где-то между Раем и Адом, это, пожалуй, ещё неприятнее. Но привыкаешь...

Собственно, оно и хорошо, что она их не открывала, ибо в этот недолгий миг неизвестная сила могучим волевым решением переместила их обоих в совершенно иное пространство. Лёгкие обжог горячий воздух, в ноздри ударил запах серы, а неровная земля под ногами вздрогнула, словно живая. Перемена была настолько явной, что не нуждалась в комментариях...

Ад! Это было первое, что синхронно мелькнуло в головах наших героев. Истинный Ад, в полном смысле этого слова, и очень-очень похожий на те библейские картинки, которыми до сих пор пугают грешников в наших старых церковках. А может, и кое-что похуже...

Иван и Рахиль мгновенно развернулись спина спиной друг к другу, он – с обнажённой пашкой в руках, она – с верной автоматической винтовкой в положении «стрельба от пояса». Они стояли на колеблющейся вулканической почве, чёрной, ломаной и дикой. Меж узких трещин периодически вспыхивали оранжевые языки пламени, взрывались сероводородные пузыри и слышались ужасающие вопли мучимых душ!

Воздух был горячим, каким-то металлически-тяжёлым, в нём носились хлопья сажи и ощущался жирный привкус гари. Небо казалось матово-чёрным, низким и непрозрачным, словно сделанным из побитого и закоптелого пластика. Невдалеке высились ломаные линии гор, меж ними также виднелись разноцветные всполохи огня и даже вроде бы наблюдалось некое движение уродливых фигур...

– Рахиль, – сипло выдавил подъесаул, с трудом откашлявшись и восстанавливая дыхание, – ты хоть что-нибудь понимаешь, а?!

– Дорогой казак Кочуев, вам честно или вас утешить?

– Давай с утешениями...

– Таки фигу же вам на такой цорес! – радостно завелась любимая еврейка. – Мы стояли на пороге Рая! Практически у самого турникета, где святой Пётр уже раскрывал страничку на мою фамилию... И тут вы со своим дурацким (пардон, казацким! – хотя какой пардон – это одно и то же!) поцелуем?!!

– Да при чём здесь...

– А при том! А шоб вы знали, поцелуй – оно первый акт к здоровому сексу! А кто нам такое попустит в Раю?!

– Но... ты же сама...

– Шо я?! Ой, мама, до чего мне везёт с казаками, слов нет, одни слёзы, слюни и эмоции! Да, я сама того жутко хотела, потому как вы мне тоже уже небезразличны по самое некуда... Но я-то не лезу на вас в охапку при посторонних людях, в святом месте, где точно нельзя! Ваня, шо вам стоило немножко подумать на подождать? Потом тихо, церемонно, где-нибудь в куцах... Таки разве я против?! Нет, вам оно было надо именно там!

– Всё сказала? – сумрачно уточнил Иван.

– Нет, но дайте же отдышаться, – согласно фыркнула Рахиль.

В принципе молодой человек уже давно привык к её оригинальной манере выражаться и скорее всего даже не обиделся. Более того, он был достаточно вменяем, чтобы признать правоту девушки. Ведь они и вправду стояли в преддверии самого настоящего Рая, и действительно могли быть лишены его исключительно за «недостойное поведение». Кто знает, какие морально-этические принципы проповедуются там, за золотой оградой – вполне могли турнуть и за невинный поцелуй! Тем паче что поцелуй этой парочки отнюдь не был окрашен братско-сестринской любовью...

– Вариантов нет, любимая... Пошли? – Молодой подъесаул заботливо пригладил вихры Рахиль, поправил португею и кивком указал в дымную даль.

Еврейка нежно мурлыкнула, деловито стряхнула вулканическую пыль с приклада верной винтовки и посмотрела в сторону предполагаемого маршрута. По идее она непременно должна была бы тут же предложить другой или, по самой крайней мере, оспорить этот, но... Трещины вокруг увеличивались, пламя взлетало всё выше и выше, а единственная возможная дорога вела именно в горы.

– Третьего мнения нет, шо делать, жаль, какие перспективы, но я наберу своё на ближайшей альтернативе... Ваня, вы меня не слушаете?!

– Нет, я уже иду. А ты сказала что-то важное?

– Таки тоже нет, – без претензий вздохнула Рахиль. – Но если вы не будете меня слушать, я же начну разговаривать сама с собой, а оно всегда чревато...

Иван Кочуев не отвечал, он аккуратно перешагивал с камня на камень, по ходу выбирая оптимально безопасную дорогу. Юная еврейка, как козочка, прыгала следом, не затыкаясь ни на минуту. Если в первой эпопее она лишь подозревала, что Бог подвергает их испытанию, то в этот раз знала то же самое уже наверняка. Настроение это знание никак не улучшало, зато сразу расставляло все точки над «ё»...

– И вот я имею вам сказать, щоб вы слушали не оборачиваясь. Вся библейская история нашего богоизбранного народа пестрит подобной темой, как русская Пасха колоритными яйцами. Напомню самую известную, про Абрама и Сару, которые, с одной стороны, были-таки даже женаты, а с другой, он тихо убедил её не квакать об этом на людях и слупил кучу выгоды на том, шо «по легенде» она его сестра! А когда его конкретно прижучили за это дело, так он приплёл туда Господа, и тот его лично выгородил. Вы уловили суть?

– Мы временно не афишируем наши отношения, – через плечо бросил догадливый казак.

– Ой, Ваня, вы умны, как никто!

– А если я...

– Нет!

– Один раз?

– Господь всё видит!

– Ну, он милостивый...

– Ага, и шо, в Содоме и Гоморре многих помиловали?! Ой, ви как хотите, а я таки не намерена рисковать.

– Ладно, замяли тему...

Спорить действительно было не о чем. В этой истории всё заведомо решалось за наших героев. Расписывались роли второго плана, ставились декорации, подгонялся сценарий, срабатывала озвучка и спецэффекты. Ими играли. А кто из игроков всерьёз задумывается, что испытывает футбольный мяч, кроме боли?

Ивану и Рахили оставались в лучшем случае самостоятельные диалоги и следование традиционной для России системе Станиславского «вы – в предполагаемой ситуации»... Чем они успешно и занимались. Хотя, подчёркиваю, никто их особенно не спрашивал. В том числе и две каменные глыбы, раскрывшие им свои объятия, едва наши герои допрыгали до конца тропы...

Нет, серьёзно, на самом деле два здоровенных валуна по обе стороны еле заметной дороги открыли нежно-голубенькие глазки и грубыми механическими голосами заявили:

– Проход воспрещён!

Звук раздавался из металлических мембран, открывшихся на ладонь ниже глаз. Поэтому долго не думающий подъесаул ткнул туда шашкой. Раздался треск, брызнули электрические искры, и молодого человека кинуло спиной на любимую девушку. Заботливая Рахиль едва успела отскочить...

– Мать твою... перемать твою... Шлимазлы чёртовы!

– Ой, Ваня, таки вы уже довольно прилично чешете на иврите?! Я с вас умиляюсь... Ща сама подниму фуражку и надену на ваш чуб дыбом. Дайте плюну и прижму, таки вот, вы опять сплошной казак! Теперь я попробую с ними побеседовать, вряд ли ребята устроены сложнее, чем многие покемоны...

Рахиль деловито подняла с чёрной земли камушек, покачала в ладошке и аккуратненько бросила как раз между двумя говорливыми валунами. Раздался классический «пшик», вверх взлетело серое облачко пара, и пришибленный подьесаул мысленно перекрестился, поняв, что ещё легко отделался...

– У-у... как скучно... Таки мирные методы урегулирования проблемы исчерпаны? – Девушка привычно вскинула приклад к плечу и в упор засадила по короткой очереди в каждый из бдительных глаз каменных охранников. Разнёсся бой стекла, запах горелой проводки, прощальный треск микросхем, и в принципе дорога стала абсолютно свободной.

То есть обойти валуны всё равно не получалось никак из-за всплесков лавы и острых скал, но и сама тропинка отнюдь не дышала гостеприимством. Кстати сказать, будь на месте казака и еврейки другие, более озабоченные инстинктом самосохранения люди, они, возможно, подумали бы: а вдруг говорящие валуны на самом-то деле стремились им помочь? Ведь неизвестно, что ждёт вас впереди...

В нашем случае их ждал не сахар. Ну, то есть, конечно, и сахар тоже, хотя... Видимо, я невнятно выражаюсь – в общем, если это и был сахар, то сахар-песок. И песка в нём было гораздо больше...

– Ваня, раз вы уже конкретно отдохнули, то, может, дадите мне свою мужественную руку и я помогу вам подняться?

Молодой человек, охотно воспользовавшись её помощью, резким рывком встал. И так же порывисто обнял юную еврейку... Пару минут она не вырывалась. А будь её воля, не вырывалась бы вообще!

– Мы ничего не забыли по сценарию? Ну, типа, испытание свыше, божье наказание, не лапать меня прилюдно...

– Здесь же никого нет?

– Ха-а!!! – демоническим голосом донеслось прямо из-под земли, и в багровом небе над их головами загорелась яркая неоновая надпись: «Добро пожаловать в Ад!»

– Угу. – Задумчиво перемещая ладонь по талии девушки, Иван лишний раз поправил фуражку, перечёл надпись про себя и спокойно хмыкнул. – Любо! По крайней мере, всё честно – знаешь, где именно находишься. Это в прошлом Раю столько всякой погани на дороге понасовали – не Рай, а местный психоз с препятствиями! Ты когда в последний раз была в Аду? Рахи-и-ль, ау!

– Шо?! Где? Таки кто о чём, а вам бы лишь запудрить мозги невинной девушке, шоб она стояла столбом и думала над вашими вопросами, пока вы её всю обнимаете прямо руками?! – с непередаваемой нежностью почти пропела госпожа Файнзильберминц, неохотно высвобождаясь из казачьих объятий. – Ваня, давайте мы уже просто куда-нибудь пойдём и не будем слушать глупые «ха-ха», а также читать всякую фигню на заборе. Шо умного они нам там понапишут? Ад так Ад, а мы идём и ищем где покушать...

Это, между прочим, была серьёзная проблема. Лихой астраханский казак мог в военном походе не думать о еде вообще, день, два, а может, и три перебиваясь незрелыми яблоками и лесными орешками. Иное дело Рахиль... У бывшей военнослужащей израильской армии были свои, чётко регламентированные взгляды на питание, и любое нарушение исторически сложившегося порядка приравнялось практически к святотатству! «Жизнь слишком коротка, чтобы плохо кушать» – не самый бесполезный девиз, согласитесь?..

Глава вторая

О том, что, как общеизвестно, в Аду Бога нет.

Значит ли это, что человеческая душа, лишённая света Божьей благодати, уже и есть по сути компактный, собственный ад?!

Их остановили почти сразу же, едва наша героическая парочка перешагнула воображаемую линию между двумя техническим валунами. Шесть чёрных как смоль псов преградили им дорогу. По их холкам разливалось пламя, ненасытные глаза горели зелёным, с оскаленных челюстей тягуче капала зловонная слюна, а мускулистые лапы скребли когтями пепел. Более ужасных животных Тьма ещё не создавала...

Рука подьесаула мягко легла на шашку – псы подобрались и зарычали. Девичий пальчик Рахили щёлкнул предохранителем – адских зверей словно сквозняком сдуло в самом неизвестном направлении!

– Почему оно меня не радует и где оно не так?

Вопрос остался риторическим, потому что на смену собакам вышел ракшас. Причём тот самый... Подчёркиваю, ТОТ САМЫЙ!!!

– Ваня, я таки хренею на месте или вы похренеее за меня?

– Таки да, подруга... – честно согласился казак, поскольку не узнать убитого ими древнеиндийского демона было просто невозможно, да и невежливо.

Красно-коричневая кожа, выпирающие мышцы, впечатляющие зубы и, главное, шесть пулевых отверстий на широченной груди...

– Зарублю-у! – отважно взвыл Иван Кочуев, полоснув гиганта шашкой поперёк татуированного живота.

Ничего не произошло – сталь пролетела сквозь плоть ракшаса, как сквозь малиновый кисель, а мускулистая лапа привычно ухватила казака за шею. Подьесаул хрипел и нетанцевально дёргал ножкой...

– Рискну повторить, хотя где-то во мне говорит, шо оно уже и некошерно, – задумчиво буркнула под длинный нос еврейская девочка, в упор всадив в индийского демона полную обойму «галила».

На этот раз довольная морда ракшаса даже расплылась в улыбке – кучно ложившиеся пули высверлили солидную сквозную дыру в его теле, не причинив ни малейшего вреда жизнеспособности монстра.

– Могу извиниться? – сипло поспешила предложить Рахиль, но демон уже сгрёб за шею и её.

Утробно урча, он унёс свои жертвы в темноту.

Значит, как ни верти, а это всё-таки был Ад?! Хотя что такое Ад, доподлинно тоже не известно никому, и вроде бы тут есть возможность поспорить. Чем и займёмся мы с вами, ибо нашим литературным героям в данный момент было абсолютно не до споров...

Ивану Кочуеву снился странный сон. Сны вообще занимали в его жизни большое и, наверное, можно даже сказать, знаковое пространство. Учитывая, что учёные всего мира уже не одно тысячелетие бьются над проблемой сновидений, стабильно выдавая теорию за теорию, наш начитанный подьесаул имел свою, индивидуальную точку зрения на этот вопрос.

Его сны сбывались с точностью до наоборот плюс в ассоциативно-абсурдном режиме. Проиллюстрируем на конкретном примере...

Молодому человеку снилось, что он утопает в волне ароматного сена, всё вокруг пахнет клевером и душицей, а улыбающаяся Рахиль в длинном белом платье несёт ему крынку молока, помахивая на ходу длиннющей русой косой с алым бантом.

В реальности же его волок под мышкой дурно пахнущий, потный ракшас, а временно поникшая военнотружущая израильских мотострелковых войск под шумок практиковалась в интервариативном русском мате. Ну и заодно примечала окрестности, сверяла направление по сторонам света, предположительно строя планы неминуемого бегства из плена.

Это нежные мужчины с грубыми манерами и брутальным изгибом брови могут позволить себе потерять сознание от пережимания шеи, а потом бесстыже дрыхнуть, присвистывая и похрапывая. Хорошо ещё хоть казачья пашка верно болталась на темляке; Рахиль была уверена, что Ванечка дико огорчился бы, узнав, что любимый клинок потерян где-то по дороге... А деловитые еврейские девушки не могут позволить себе такой роскоши, как сон на голодный желудок в объятиях похитившего их международного террориста.

В ранг «международного» израильянка мгновенно возвела ракшаса по одной лишь причине – он пытался отравить им жизнь в Раю, а теперь с той же целью припёрся и в Ад. Как ни верти, но это два разных государства, значит, всё логично и террорист он международный.

Хотя лично я, пожалуй, поспорил бы с такой формулировкой, но кого, по сути, интересует мнение автора? Наша писательская задача – как можно ярче, точнее и прикольнее описать приключения персонажей, а не лезть к увлечённому читателю с комментариями. Выдумка, преувеличение, а то и прямое вранье только приветствуются. Не умеешь интересно врать – не лезь в писатели! Исходя из чего продолжим по факту...

Краснокожий индийский демон приволок их обоих в неглубокую пещеру, примотал спина к спине куском проржавевшей цепи и принялся неторопливо раздувать огонь в примитивном очаге. Не буду даже описывать ужасающую антисанитарию его жилплощади, попробуйте догадаться сами. По крайней мере, господин подьесаул мигом соизволил проснуться от одного запаха...

– Рахиль?

– Таки да?!

– А можно без этой вечно вопросительной интонации?

– Это мягкое дружеское пожелание или уже непереносимое условие продолжения нашего конструктивного диалога?

Казак помотал головой, окончательно вытряхивая из неё где-то зацепившиеся обрывки сна, и косо посмотрел на ракшаса. Краснокожий монстр продолжал своё чёрное дело, старательно дуя на остывшие угли. Судя по тому, что они были едва-едва оранжевыми, этого занятия ему должно хватить надолго...

– Ваня, раз вы почему-то намерены на меня помолчать, так я выскажусь наперегонки, – поудобнее приваливаясь к спине любимого подьесаула, объявила Рахиль. – Мы находимся на базе этого злобного цудрейтера, который явно от нас чего-то хочет. Ну, от меня, молодой, красивой и сексуальной так, шо самой жутко, понятно чего... А вас таки съедят!

– Почему?

– Ой, ну вы как маленький... Я же говорю, посмотрите глазами, с чего эта золушка дует в камин?! Ясное дело, шо на предмет приготовить вас хорошо прожаренным, с корочкой, в портупее на палочке!

– Я не об этом, – уже с некоторой долей обиды вскинулся астраханский казак. – С чего ты взяла, что меня съедят, а тебя... Может быть, совсем наоборот?

– Я вас умоляю... – начала было еврейская краса и задумчиво прикусила язычок. Если следовать логике вещей, то, несомненно, её распределение ролей на ближайший вечер было правильным. Вопрос: а принимает ли эту же «логику вещей» неубиваемый древнеиндийский демон?

– Ваня-а... Мне становится нервно. Вы таки серьёзно думаете, шо он может есть меня, а вас тут...

– Ничего подобного я не думаю! – рявкнул покрасневший молодой человек. – Просто хочу, чтоб ты выбросила из головы всякую ерунду и сказала, есть ли у тебя нормальный план!

– После анекдотов про наркоманов ваша фраза звучит двусмысленно... почти «хи-хи»...

– Рахиль, блин!

– Ладно, извиняюсь. Отпardonьте меня, и приступим к делу. Итак, мои предложения...

Дальше последовал яркий цикл из абсолютно бредовых идей, самой реальной из которых была следующая: подьесаул мощным напряжением дельтовидных мышц рвёт цепь и быстро копает шашкой глубокую яму, после чего израильтянка показывает ракшасу язык и делает два неприличных жеста на иврите, он бросается мстить, падает на самое дно, а освобождённые герои гордо уходят под торжественное пение «Любо, братцы, любо...» и «С нашим атаманом не приходится тужить».

Как видите, умненькая Рахиль искренне полагала, что это две разные песни. Уже по этому судите, каковы были остальные «стратегические» планы. Но хуже всего, что Ивану Кочуеву в голову вообще ни одна мысль не приходила...

Красному, почти по Петрову-Водкину, монстру удалось наконец поднять пламя, он задумчиво подглядел зарастающую дыру на животе и достал из дальнего угла длинный закопчённый вертел.

– Господи, иже еси на небеси...

– Барух Ата, Адонай...

– Да святится имя Твоё...

– Эло эйну, Мелех Галоам... Ваня, нельзя ли потише, вы меня сбиваете?!

– А не пошл... упс... извини, чуть не сорвалось. Рахиль, не лезь под руку, я же молитву читаю!

– А я что, по-вашему, анекдоты травлю?! Адонай элоэйну, Адонай эхо... то есть эхад! Ой, ну надо было так меня перебить? Ваня-а!!!

– И ныне, и присно, и вовеки веков! Чего тебе, грешная иудейка?

– Таки мы переходим на личности?! Ах вы, казачья морда...

Предположительно, на этот раз они бы наверняка подрались, но отмолотить друг дружку не было ни сил, ни возможности, ни (если вдуматься?) повода. Тем паче что решительно настроенный демон присел рядом с ними на корточки и, что-то прикидывая, потыкал Рахиль в бок, а Ивана в ягодицу. А потом и наоборот, чем окончательно смутил все планы юной еврейки поязвить на эту тему...

Однако, прежде чем наша парочка всерьёз впала в панику, ракшас неожиданно вздрогнул всем телом, повалился на бок, вскочил, сделал два круга бодрой рысью по пещере, упал снова, но поднялся и, замерев столбом, резво заговорил совершенно чужеродным голосом. То есть, поверьте, настолько «не своим», что ребята просто рты разинули...

– Не бойтесь, дети мои! Истинно для вас глаголю Одиннадцатую заповедь, Моисеем утраченную, – НЕ БОЙТЕСЬ... Никогда и ничего! Мы тут с папой... В общем, он всё усложняет по привычке, но я в вас верю. Хотя и помочь не могу... правда... ничем... Хотел бы, но... Победите, пожалуйста, сами, без Божьей помощи, ладно?

Рахиль и Иван тупо кивнули. Голос был невероятно знакомый, а его тембр, чистота и какая-то сверхъестественная музыкальность настолько возвышенными, что казалось, внимать ему можно вечно. Забывалось всё: ссоры, обиды, распри... Накатывало совершенно неземное блаженство, эти импульсы и токи невозможно было объяснить, как необъяснимо вечное счастье человека, узревшего край одежд Бога. Глаза казака и еврейки одновременно наполнились благодарственными слезами...

– Аа-агру-ум!!! – дико взревел ракшас, приходя в себя и потрясая косматой головой.

Похоже, он и не предполагал, что кто-то может так легко завладеть его разумом и телом. Зловоние из его пасти заставило наших героев зажмуриться, но прежде чем грязные когти успели ухватить хоть кого-то, началась вторая серия.

Я бы назвал её «Вторжение-2», но по сути любое название будет беспомощным и глупым, ибо на этот раз краснокожего бедолагу лихо пришлёпнуло об потолок, витиевато размазало по стенам, и только после этого с его безвольных губ слетели знаковые слова:

– Да будет всё по слову Сына моего! Легко любить Бога, находясь в Раю... Но ныне предстоит вам обрести Бога в том месте, куда и не заглядывает Он. Очистите сердца, наполните их верой, путь долог, и в конце его – Пустота...

Голос был самую чуточку не похож на предыдущий, словно говорил человек несколько более старший, умудрённый годами и опытом. В нём не звучало и намёка на угрозу, лишь какая-то неуловимая нотка вселенской усталости... Казалось, он прекрасно знает всё, с чего началось и чем закончится, но это знание не приносит ему ни радости, ни горя...

Нашим испытуемым буквально на мгновение пришла в голову одна и та же мысль – неужели и сам Всевышний может нуждаться в элементарном сострадании? Ну или хотя бы в понимании...

– И это... лошадку я починил, – совершенно не к месту резюмировал голос, после чего ракшас наконец-то закатил глаза и рухнул пластом, без малейших проблесков сознания...

Глава третья

О том, что у иудеев совсем нет дьявола. Все функции Добра и Зла осуществляет один Господь Бог. Поэтому он – всемогущ! Ему и ошибку-то списать не на кого...

Иван и Рахиль, не сговариваясь, кое-как встали на ноги, пыхтя двинулись на выход маленькими шажками. Только отойдя от пещеры индусского монстра метров на сто, они наконец-то задумались: а куда, собственно, идти? Да, собственно, уже пришли – потому что земля под их ногами дрогнула, а сверху рухнула позолоченная сеть с беззвучно скользнувшего вниз летательного аппарата...

– Ваня, у меня модное дежавю или я вся в глюках? Потому как опять темно, мы висим в милых позах, я вас чую всем чем можно, а рукоять вашей шашки – опять тем же местом...

– Это не шашка.

– Ой-й-й-а-а-а!!!

– Не ори, дура, я пошутил! – дурным голосом взвыл зажавший уши казак, пока доверчивая еврейская девушка ультразвуком глушила на корню все возможности мирных переговоров.

Итак, как утверждают все серьёзные учёные, непредсказуемая дама-история вальсирует по спирали. Будущее неизвестно, настоящее мимолётно, а прошлое вроде бы и незыблемо, но одновременно изменчиво, как никогда. И это ещё не главный парадокс, ведь прошлое каждого человека, как страны или даже эпохи, зависит лишь от призмы вашего взгляда. А взгляд назад может быть очень и очень изменчивым...

Вот сейчас, к примеру, Рахиль сочла появление ракшаса и пленение их инопланетными бесами зеркальным отражением прошлых приключений, напроць забыв о подозрительном неоявлении Белого Братства. А оно не исчезло. Зло редко исчезает в никуда, зато отлично меняет позиции, лозунги и цвет шкуры...

Мстительная еврейка прекратила визг, лишь когда дверной проём распахнулся, а в узкой полосе мертвенно-голубоватого света встали две знакомые фигурки. Маленькие, пушистые, толстые, с характерными пяточками и рожками-антеннами на головах. Сейчас их речь звучала абсолютно адекватно, не как в первый раз, в Раю. Либо в Аду бесы говорят иначе, либо переняли общепринятую манеру, либо...

– Новенькие, Док?

– Надеюсь, да, Ганс. Хотя мне, разумеется, трудно представить, чтобы в непосредственной близости от базы разгуливали свежие экземпляры.

– Точно, все давно стерилизованы.

– Пастерилизованы, Ганс.

Рахиль закусила жёлтый погон бывшего подьесаула и мелко забилась в тихом истеричном смехе. Один из пушистых недомерков нажал кнопочку на стене, раздался скрежет цепей передачи, и золотая сетка повлекла нашу парочку на выход. Страху они не испытывали, и даже не потому, что благая весть об одиннадцатой заповеди достигла их ушей.

Просто, несмотря на все ужасы, творимые инопланетными бесами над людьми в своей лаборатории, воевать с пушистиком ребята умели. Убить их навсегда оказалось невозможно, а вот прибить на время – это запросто. Один выстрел – пятнадцать минут форы, можно попробовать убежать. По крайней мере, в этом конкретном случае правила игры были общеизвестны.

– Ваня, вы окажете мне большую услугу, ежели за поворотом рубанёте эту сетку вашей страшной шашкой и полежите бугорочком, пока я из-за вас чуточку постреляю.

– Мне... это... неудобно.

– Ваня, шо такое неудобно? Перед кем неудобно, перед ними?! Как говорил мой двоюродный дядя Эдик, висая весь голый под балконом своей любовницы из Мариуполя Веры Краснобаевой, у которой было шесть детей, младший ещё играл на скрипке...

– Рахиль!

– А шо?! Интересная история, так вот, он висит, а балконом ниже выходит юная девочка в кимоно. Он улыбается ей. Она ему кланяется и произносит одно японское слово «маки-вара»... Так вот, ему по сей день неудобно, шо он тогда не знал японского...

– Рахиль, мне пашку вытащить неудобно – порежусь!

– А вот нельзя было сказать сразу?! Как таки с вами, мужчинами, трудно-о...

Сетка миновала длинный серый коридор с однообразно мигающими лампочками, въехала в прекрасно оборудованную медицинскую лабораторию и плюхнулась на пол. Никто особенно не ушибся, хозяева-инопланетники соизволили спокойно обернуться.

– Бешеная самка!!! – тонко взвизгнули оба и прыснули прятаться по углам.

– Вот она, популярность. – Казак уважительно толкнул подругу плечом в плечо, попытался встать, не смог и, плюнув на ржавые оковы, громко предложил: – Эй, бесы, выходи! Рубиться будем!

Из-за металлического шкафа с пузырьчками показалась маленькая чёрная лапка, размахивающая белым платком. Рахиль сдержанно повздыхала, что её не поймут и не простят, если она пойдёт на консенсус с террористами-антисемитами, но, с другой стороны, они и без того в Аду, так куда уж дальше их запихивать. Это было очень непривычное проявление миролюбия...

Буквально какие-то пятнадцать минут спустя в чистенькой, неразгромленной лаборатории прямо на операционно-разделочном столе была постелена чистая простыночка, разложены консервы, фрукты, хлеб, ёмкость разведённого медицинского спирта, маринованные огурчики и горсть поплющенных карамелек. Разрезанная автогенном цепь ракшаса сиротливо валялась в углу...

– Продукты у нас есть, – гостеприимно суеился толстый Ганс, услужливо пододвигая Рахили гинекологическое кресло, – Док всегда заботится, чтобы пациенты служили науке долго. Присаживайтесь, самка!

– Ваня, таки если я их убью после ужина, оно уже будет компромиссом?

– Будет, – уверенно кивнул казак и шёпотом добавил на ухо Доку: – Не беспокойтесь, сытая, она резко добреет...

– Дрессура, – понимающе отметил начальствующий бес. И учитывая, что его помощник полностью переключился на прокорм еврейской вечно голодной девочки, завязал концептуально-познавательный диспут с господином Кочуевым. Из почтения к русским интеллигентским традициям вопросы и ответы щедро поливались маленькими порциями спирта, по полмензурки на выдохе, огурчик следом, и главное – уважение к оппоненту...

– Мне странна ваша позиция, драгоценный мой Иван Степанович! При всём моём исключительном восхищении вами, как глобально мыслящей личностью, я всё же вынужден отметить несколько навязчивую упёртость (прошу прощения за вульгаризм!) в вопросе сохранения человечества как вида...

– Зарублю же, дубина инопланетная! Ну что, за здоровье?

– За здоровье и взаимопонимание! Я хочу спросить, неужели вы всерьёз отрицаете явный провал этого непродуманного эксперимента по заселению вашей планеты человеческими особями? Дзынь!

– Ещё налей, не доводи до греха. За науку?

– За неё, р-родимую! Так вот, В-ваня, согласитесь, если в чисто теологическом диспуте я б-буду перечислять минусы человечества, а вы – п-плюсы, кто устанет первым? Кто, я вас спрашиваю, а?!

– Ты тока закусывать не забывай. На вот огурчик... Эй, полегче, чуть палец мне не откусил!

– Изв-виня-юсь... Но и вы мне... не ответили на экзмнционный вопрос! Вопрос?! А я отв-вечу! Человечество – они... я в них разбираюсь... я их стока разобрал! Я на них... там ещё остался, да?! За нас с вами!

– Ага, за союз казаков и бесов. – Подъесаул снисходительно подхватил падающего под стол Дока и аккуратно устроил его баиньки в перевёрнутую крышку от автоклава. Инопланетный учёный смешно дёргал рожками и причмокивал так, что ему хотелось дать детскую бутылочку с молоком.

– Рахиль, мой готов. Как ты?

А вот у неё-то как раз и были проблемы. Обернувшись к боевой подруге, молодой человек едва не раздавил в руке мензурку: отчаянная израильская военнослужащая тихо ревела в обнимку с мокрым от её слёз Гансом. Впрочем, судя по пустым баночкам, ревела она всё-таки на сытый желудок...

– Ваня-а... он мне такое рассказал... Ой, я вся умру... Ваня, у него таки тоже была несчастная любовь!

Подъесаул молча схрумкал очередной огурчик, так же молча вздохнул, встал, поправил портупёю и направился к выходу. Если история повторяется, то он уже знал, что его ждёт...

Конечно, мы с вами, опытные и образованные читатели, никогда бы так не поступили. Мы бы, разумеется, в первую очередь выяснили, а куда, собственно, держит курс этот летательный аппарат? А вдруг там враги и нас просто заманили в ловушку? А так ли искренни Док и Ганс, как пытаются показать, и можно ли вообще доверять бесам, даже если один был влюблён, а с другим вместе пили? Читатель, он всегда и заранее знает всё!

К этому надо привыкнуть и воспринимать как данность. В подавляющем большинстве случаев настоящий читатель ни за что на свете не поступил бы так, как поступает вымышленный литературный герой. Может быть, именно поэтому с настоящими читателями ничего и не происходит...

– Вот нюхом чую: он где-то тут, – бормотал себе под нос абсолютно трезвый астраханский казак. Ибо с трёхсот граммов спирта свалить с ног его молодой здоровый организм было нереально при любом раскладе. Тем паче что парню свыше была дарована ярко выраженная устойчивость к крепким алкогольным напиткам. – Эй, Миллавеллор, друг обкуренный, отзовись! Куда тебя нелёгкая с косяком заныкала, где кайф за химок ловишь, куда плывёшь под парусом на паровозе, ау?! Ну не поверю я, что если мы здесь, то остроухого прохиндея оставили с самокруткой в Раю...

Дотошный подъесаул обошёл почти весь корабль инопланетников, благо, как помнится, не такой уж он и большой, однако искомого «друга» нигде не обнаружил. Я сознательно поставил это слово в кавычки, потому что такой друг, как пожилой эльф, тощий, словно кочерга, и вечно блуждающий в «стране ароматов», сам по себе был отдельным бедствием. Рахиль даже один раз назвала его «божьем наказанием», ибо подобный тип мог явиться на свет, только если Господь пребывал не в настроении...

Миллавеллор вечно втравливал наших героев в разные неприятности, причем, столь же активно помогая из них выпутаться, старательно приписывая все заслуги себе, вечно любимому. Хотя, помнится, у него была и другая любовь – королева Ньюиэль, тоже возрастная, постоянно сопливая и чихающая толкиенистка, страдающая редким видом аллергии – на эльфов!

– Не отзывается, на свист не идёт... Ладно, по первому кругу поиски ничего не дали, пойдём по второму и сменим тактику.

Всё-таки Иван был довольно образованным мальчиком и книжки про Джеймса Бонда читал ещё в восьмилетнем возрасте. Разумеется, тайком от родителей! Они же там все поголовно педагоги, кто бы позволил ребёнку губить вкус «низкопробным чтивом»?! Но ведь все-

гда можно забиться в тихий уголок школьной библиотеки, делая вид, что ищешь статьи Герцена. Простите, отвлекся! Наверное, потому, что сам так делал... Простите ещё раз.

– Закрываем глаза, держимся за стены, идём осторожно, а принюхиваемся тщательно, – бормотал себе под нос несложившийся филолог, двигаясь как слепой крот и обнюхивая все углы подряд, словно собака на таможне.

Если бы Рахиль застала его за этим трогательным занятием, то веселилась бы, наверное, до колик в пузе. Но, к счастью, её в данный момент рядом не было, а вот еле уловимый запах сложносоставного косяка каким-то чудом пробился даже сквозь герметично закрытые двери. Иван деликатно постучал туда каблуком сапога, проверил наличие (а вернее, отсутствие) ручек, ключей, засовов, кнопочек и замочных скважин, после чего понял, что самостоятельно он этот сейф не откроет.

Не будучи героем по призванию, то есть умея изредка пользоваться ещё и головой, бравый казак кавалерийским маршем вернулся в операционную, дабы доложить о сложившейся ситуации еврейской военнотрудовой. И, надо сказать, что вернулся он очень вовремя...

Глава четвёртая

О том, что выбор друзей в нашей жизни бывает весьма специфичен. Один общий недостаток свяжет вас надёжнее, чем десяток достоинств...

Во-первых, потому что Док уже несколько протрезвел, а во-вторых, потому что разомлевший Ганс втихую и ненавязчиво, но тем не менее упорно притулялся под бочок наивной в этом плане девушки.

– Сбрызни отсюда, – выгнул бровь подьесаул, и подручный Дока со вздохом оставил нагретое место. – Слушай, любимая, вытри слёзки и...

– Вы бесчувственный казак, и я буду рыдать скока мне надо, пока не засохну тут, как Аравийская пустыня!

– Ладно, я осушу твои слёзы поцелуями, – охотно распахнул объятия Иван Кочуев.

– Таки жестокое фигу вам, шоб вы знали... – мгновенно подскочила Рахиль.

Молодому человеку оставалось лишь улыбнуться в усы – иудейка действовала именно так, как он и предполагал. После короткого диалога с пояснениями дальнейший путь они проделали едва ли не под ручку, а два инопланетника торопливо семенили следом, давая убедительные и вполне научные объяснения происходящему:

– Иван, если мы правильно вас поняли, то некий ваш знакомый индивидуум находится у нас на корабле в экспериментальном отсеке? Он не в плену! Он призван помочь торжеству науки... Чувствуете разницу?

– Чувствуем, – сурово согласился казак. – И лично мне оно не любо! Что вы с ним делаете?

– Мы его размножаем...

После этого скромного ответа Иван и Рахиль замерли на полушаге и вытаращились друг на друга, как две селёдки атлантического посола. Научные эксперименты по размножению отдельно взятого эльфа-наркомана?! И с кем, интересно, с эльфийской принцессой, что ли?

Так у них вроде бы исключительно романтические отношения, включающие робкие воздушные поцелуи, но исключающие прямой контакт, что под одеждой, что поверх неё... Какой секс, а без него – какое размножение?! И это, отметьте, мы ещё не учитываем острореспираторной аллергии госпожи Нюниэль на всех эльфов в целом. Включая и ретивого Миллавеллора...

– Э-э-э... прошу прощения, а как вы его... размножаете? – первым нащупал лазейку догадливый подьесаул.

– Точно не помню! Ганс?

– Шесть самок, Док! Все разные, на выбор и вкус...

– Вот видите, – наставительно поднял лапку почти трезвый старший бес. – Мы заботимся о долгосрочном хранении лабораторных образцов. А что, у индивидуума есть кличка?

– И какие это самки?! – почему-то без предисловий завелась Рахиль.

– Вы отвечаете вопросом на вопрос...

– Она еврейка, ей можно, – пояснил бывший филолог в погонах, – общепризнанная национальная традиция, так сказать...

– Ваня, не вмешивайтесь! Я таки всё навывясняю сама, без передёргиваний затвора, хотя ваш мужской шовинизм и будит во мне одно тока нехорошее... Но, с другой стороны, кто ещё вступится за поруганную честь тёти Нюни?! И не надо голимой попсы на тему, шо, может, она, честь, ещё и не пострадала... Знаю я, каким местом вы (казаки, эльфы, инопланетники-бесы и т. д.) думаете на эту щекотливую в явном интиме тему!

Док пытался что-то возражать, Ганс полез за него заступаться, а в результате получил дуло под нос в недвусмысленной угрозе, и лишь спокойный подьесаул без реплик отступил

в сторону, давая возможность горячей израильской девушке первой шагнуть через порог заветной двери. А там пусть решает по ситуации...

Младший бес приложился пяточковым носом к неприметной серой пластинке на металлической двери. В тот же миг она беззвучно отошла в сторону, открывая небольшое, но весьма своеобразное помещение.

Были ли вы хоть раз в секс-шопах? Стопроцентно да! Хотя наверняка многие тайком, пряча глаза, с глупой улыбкой и каменным лицом. Стесняясь рядов вибраторов, эротических масел, возбуждающих духов, стимулирующих порошков, порнокассет, резиновых кукол и...

Так вот – ничего подобного в этой комнате не было! На узкой койке, распластанный и прикованный, сонно сопел старый длинноволосый эльф, а шесть клеток вокруг него были заполнены разнообразными гуманоидоподобными самками. Увидев вошедших, они разразились гвалтом, свистом и щёлканьем, то есть повели себя самым откровенным и непристойным образом...

– Ваня, вам оно видеть не надо! У вас больная нравственность... – объявила Рахиль, ладошкой прикрывая глаза покрасневшему подбёсаулу.

– И ведь мы используем новейшие стимуляторы, – поспешил вставить научное слово Док, – а на этого не действует. То ли иммунитет, то ли...

– Самки не те, – уверенно предположил казак.

И, видимо, был в чём-то прав, так как безвольная рука Миллавеллора дёрнулась, подняв вверх большой палец. Итак, перечислим...

Человекообразная курица в неухоженных перьях могла бы вызвать некий эротический импульс обритыми окорочками, но борода и сигара делали её похожей на престарелого лидера кубинской революции, что сразу давило на корню весь возможный сексуальный интерес. И, кстати, я очень хорошо отношусь к Фиделю Кастро! Ну, может, это отступление было и некстати, но продолжим по существу...

Натуральная йети с гитарообразной фигурой, в серой неброской шерсти умеренной пушистости (на Кавказе и не такие женщины есть, сам видел! Ой, мама, было...), гориллообразное милое личико и впечатляющая грудь шестнадцатого размера! Мужчины поймут... Всё должно иметь разумную меру и устоявшуюся гармонию. Излишества не всегда приветствуются...

Один робот женского пола (роботесса, роботиха, робвумэн, роботроника, рободева и так далее, продолжать можно долго, язык у нас богатый) – блестящая, новая, хорошо смазанная, лампочки, где надо, горят, но, сами понимаете, экспонат на весьма узкого любителя...

Из оставшейся троицы хотелось бы отметить безмятежно спящую роскошную нимфею в клетке с табличкой «Не пугать». Женщину-кошку, натуральную, типа сфинкса, вылизывающую себя так, что скромная иудейка забурела, как заря. И невнятный, но шевелящийся клубок глянцевого червей или растительных отростков с совершенно дурманящим запахом гормонального голландского парфюма.

То есть как ни верти, а на привередливый эльфийский вкус угодить нечем. Особенно если умолчать о том, что Миллавеллор всеми силами души и сердца рвался к «размножению» лишь с одной романтично-далёкой особой...

– Таки ша! Выпускайте его, толку не будет, даже на цифру ноль, – задумчиво перекинув «галил» за спину, решила Рахиль. – Ваня, поддержите персонаж за лапти – я чую, шо он будет нам дико полезен в плане информации. Тока потом вымойте руки, как перед едой!

Казак пожал погонями: почему бы и нет?! Держать эльфа в лабораторном отсеке и далее глупо, оставить его и выкинуть самок нецелесообразно, тем более что остроухое дитя экспериментов профессора Толкиена выглядело крайне исхудавшим, а местами даже измождённым. Значит, берём, несём, спасаем...

Как видите, чего-чего, а упёртого оптимизма нашей парочке было не занимать. Как контрастно воспринимались эти двое на фоне интеллектуальной фантастики доперестроечных лет... Помните, там каждый герой брал на свои плечи непосильную философскую дилемму и носился с ней, как курица со страусиным яйцом – и бросить жалко, и высидеть задницы не хватит!

Зато какая блистательная гармония складывалась в обществе: партия рапортовала, что «всё хорошо!», а писатели-фантасты глаголили «всё плохо»... Партия докладывала, что «жить стало лучше, жить стало веселее», а писатели ей – «девяносто процентов всего сущего – дерьмо!» Ну, себя, любимых, они, разумеется, вписывали в оставшиеся десять... И каждый интеллигентный человек искренне стремился их за это уважать, чтоб и его в эти проценты как-нибудь взяли. Культурная питерская традиция, просим-с любить-с...

Рахиль и Иван категорически в неё не вписывались, ничуть от этого не страдая. Каждому своё – нашим героям подбрасывались задачки и проблемы отнюдь не философского плана... Казак Кочуев свою задачу, к примеру, выполнил честно – вскинул на плечи безвольное тело Миллавеллора и отважно пёр его по всем коридорам практически в одиночку, бесы не в счёт, они лишь путались под ногами, а поддержка любимой еврейки была исключительно информационно-психологической. Она его хвалила. Щедро, от души, ибо сама твёрдо верила, что каждое её слово может быть понято только как комплимент:

– Ваня, вы у меня такой сильный, как донской жеребец-четырёхлётка с лоснящейся шерстью и всем чем надо налицо! Вас можно запрягать в телегу, я от такого млею! Как тока мне будет нужен кто на предмет «вспахать мою ниву», шо, выражаясь фигурально, уже есть намёк, – таки ройте копытом землю, вы повсюду первый!

Маленькие бесы эмоционально переводили её речь друг другу, эльф тихо хихикал, пока взмокший молодой человек не брякнул его спиной на низкий операционный столик, предвзительно смахнув рукавом на пол две пустые консервные банки и шкурку от полукопчёной колбасы.

– Спирт ещё есть?

– Есть! За что пьём? – Док охотно подал две мензурки. Алкоголь, видимо, имел на него кратковременное воздействие: проспался – и как огурчик!

Опытный подьесаул лишь укоризненно покачал чубатой головой, забрал одну из мензурок и постарался как можно аккуратнее влить содержимое в неплотно закрытый рот эльфа, а потом быстро зажал ему нос.

Остроухий содрогнулся всем телом, выпустил зримый пар из ушей и, широко раскрыв пронзительные бесцветные глазки, гордо произнёс:

– Эльфа дёшево не возьмёшь!

После чего с невероятной лёгкостью вскочил на длинные ноги, выхватил у обалдевшей Рахили винтовку и от бедра, в два выстрела, загасил не успевших даже вякнуть инопланетников!

– Таки, мама, ой... – автоматически произнесла Рахиль традиционную фразу девственности в первую брачную ночь.

Иван Кочуев молча, но торжественно перекрестился...

– А теперь, дети мои, – с ненавистью процедил всеми любимый эльф, – мы вместе бежим с этого ужасного корабля, дабы вернуть мне мою возлюбленную, а всему эльфийскому миру – законную королеву. Кругом! На выход!

От изумления казак и еврейка повиновались беспрекословно. Ситуация была не просто дикой, а наверняка даже противоестественной. Да чтоб Миллавеллор когда-либо по собственной воле взял в руки «стреляющее железо женщины»?! Чтоб добрый и милый толкиенист, так и сыплющий цитатами сгармонизированной восточной философии, наставил мушку на своих же проверенных друзей?! Чтоб он повышал на них голос и толкал прикладом в спину,

не делая даже попытки банально извиниться, стыдливо опустив ресницы и виновато улыбаясь краешком рта?!!

Нет, это не мог быть тот самый эльф! Это наверняка была какая-то подозрительная скотина в его обличье. Только это объяснение приходило поочерёдно в головы нашим героям, но, не найдя полного взаимопонимания, металось туда-сюда, покуда не гасло от тоски и неразделённости чувства...

В целом литературные персонажи вообще частенько страдают от несправедливости и такого вот бытового предательства. Мы-то с вами обычно плюём гаду под ноги и гордо уходим к маршрутному такси, заливая дома проблему сорокоградусным нейтрализующим или же скучно рыдая в жилетку оставшихся трезвых друзей. Наутро башка трещит, но сама обида уже вспоминается с трудом, великая русская терапия обладает в этом смысле едва ли не тысячелетним опытом. Согласитесь, это достаточная гарантия?!

Глава пятая

О том, что именно литературным персонажам бьют морду гораздо чаще их прототипов. Ибо прототип может дать автору сдачи...

Иван и Рахиль пришли в себя, лишь стоя на крышке автоматического люка, а эльф-террорист (антисемит и русофоб!) скалился в стороночке, держа одной рукой на прицеле влюблённую парочку, а пальчиком другой играя красной кнопкой в пульте на стене.

– Дядя, с какого дебильного перепою... – сделал первую попытку молодой человек, но был бесцеремонно оглушён громоподобным гневным воплем:

– Молчи, низкий предатель!!! Казак Кочуев, я считал вас другом, я делил с вами хлеб и прикрывал вашу спину в бою...

«Когда, где, напомните?» – одними бровушками спросила израильтянка, но и этот немой протест вызвал гром и молнии на её кудрявую голову:

– Молчи, низкая предательница! Девушка Файнзильберминц, я вытирал вам слёзы, я лелеял ваши тайны, я был вашей подругой...

– Ого, блин, пошли откровения, – в свою очередь, не сдержался уже Иван, а пожилой эльф продолжал бомбардировать их необоснованными обвинениями...

– Вы оба меня предали! Вы сдружились с подлыми инопланетянами, теми, что дважды брали меня в плен, бесчинствовали в нашем священном Холме, подвергали мою нравственность и моральные устои такой изощрённой пытке, которой даже нет названия в приличном обществе!...

– Опустите ствол, и я вам вся посочувствую...

– Опять эти грязные намёки?! – болотной выпью взвился укушенный фрейдистскими комплексами пожилой герой-любownik. – Как говорил великий Льян Сю: «Враги мой дом сожгли, а я им вслед смеялся! Мой друг пришёл и тоже захихикал – заплакал я тогда...» Вам ясен смысл этой изумительной аллегии, наполненной простотой и утончённой печалью?! Не ясен. Ну что ж, я не особо и надеялся...

– Где принцесса Нюниэль? – не в тему ляпнул подъесаул.

– А-а-а!!! Вы ещё помните её имя?! Вы ещё смеете произносить его божественные звуки и... и... и...

– Ваня, оно вам было надо? – спокойно уточнила Рахиль. – Психический дозрел с одного вопроса, теперь точно убьёт.

Истерично пляшущее дуло израильской автоматической винтовки поочередно пыталось заглянуть в глаза то еврейки, то казака. Двух бесов он застрелил без малейших угрызений совести, так что ещё две невинные жертвы вряд ли серьёзно отяготили бы его туманную душу. Но в тот миг, когда по идее должен был раздаться первый выстрел, он вдруг бросил «галил» под ноги, гукнулся тощим задом на пол и бессильно разрыдался...

– Ну, довольна, да? Погляди, до чего мужика довела... – И пока обалдевшая еврейская девочка возмущённо открывала и закрывала ротик, Иван Кочуев первым сделал шаг к несчастному Миллавеллору, по-братски присев рядом и похлопывая его по плечу. Осторожно, ибо во все стороны тут же полетела пыль...

Старый эльф плакал горько и жалобно, что-то бессвязно лопоча, слёзы текли по его морщинистым щекам щедрими весенними ручьями, руки дрожали, плечи судорожно вздрагивали, а весь его вид был настолько унижен, раздавлен и потерян, что даже Рахиль (мигом подобрав верную винтовку) отложила разговорчик с остроухим террористом на потом.

Кстати, это правильно, время от времени такая экзальтированная особа, как Миллавеллор, выкидывала весьма оригинальные фортели, и его стоило держать рядом, на строгом поводке. Плюс – иногда – в наморднике... А из будки он и сам бы с радостью не вылезал, хоть

посади его на цепь для охраны централизованных посевов конопли! Но самое трогательное, что при всём при том этот сноб действительно был блистательным знатоком восточной философии, умело цитируя старинные древнекитайские трактаты, постоянно ставя в тупик и друзей, и врагов, и даже самого себя в особо угорелом состоянии...

– Ваня-а? – деликатно поинтересовалась еврейская военнотружущая, когда сочла, что молчание длится слишком долго. – У вас тут театр двух актёров, и так всё выразительно, аж мурашки под коленками. Вы полны талантов и держите Станиславского за паузу, и оно таки круто до не могу! Я ещё нужна как зритель?

– Ладно, не дуйся, – примирительно улыбнулся казак. – Сама понимаешь, бедолагу жестоко разлучили с возлюбленной и сунули в здешнюю лабораторию для научных экспериментов. Он тут уже неделю, сдаёт на глазах, нервы ни к чёрту. Там у Ганса спирт не остался? Хоть пару пробирок, исключительно в лечебных целях...

– Ой, если оно ему так горько без тёти Нюни, шо её отсутствие можно заменить присутствием спирта, так я охотно сбегаю! – самоотверженно решила Рахиль, но бежать не пришлось: два маленьких рассерженных беса, толкаясь, влетели в помещение. В лапках у каждого грозно подрагивали многодульные инопланетные бластеры...

– Стреляйте, Ганс!

– Во всех сразу, Док?

– Вы идиот, Ганс?!

– Вам виднее... – Младший бес виновато взял друзей на прицел.

Иван и Рахиль обменялись сострадательными взглядами...

– О небо, с кем приходится работать?! Нет! В смысле вы идиот, конечно, потому что стрелять надо только в эльфа, и не смей мне портить гипофиз самки! Молодого самца тоже не трогать, мы с ним пили...

– Наш человек, – уважительно признал казак Кочуев, но в этот неподходящий момент окончательно сбрендивший Миллавеллор вскочил на ноги и кинулся вперёд с криком: «Эльфы не сдаются, не продаются и обмену не подлежат!»

От испуга оба пушистых беса выпалили одновременно. Первый выстрел расплавил часть потолка и две бортовые перегородки, а второй неудачно попал в щиток управления люком.

– Таки нас не задело! – радостно оповестила юная еврейка за мгновение до того, как пол под их ногами разделился на две половинки.

Три коротких крика исчезли в ночи...

– Второй раз так уходят, Док. Что бы это значило?

– Привычка или тенденция... Надо подумать... А у нас точно ещё остался спирт?

– Вам явно хватит, Док...

– Уволю, Ганс!

...Что делает человека героем? Вопрос отнюдь не праздный, более того, имеющий фундаментальное значение как для политиков, так и для писателей. Одним надо уметь правильно извлекать выгоду из героизма отдельно взятой личности, а вторым – уметь канонизировать любой, пусть даже вымышленный подвиг.

Подобных «икон» советского и постсоветского периода в нашей истории ходит немало, треть из них попросту лживы, ещё треть истинны лишь отчасти, а оставшиеся вообще перевёрнуты с ног на голову. Взять хотя бы эпические образы Зои Космодемьянской или того же Котовского...

Писателям сложнее, но и они выкручиваются, как умеют. Для привлечения читательского интереса создаётся благородный супермен, мускулистый король, дикий варвар, непризнанный маг (в принципе вполне объединяемо), крушащий врагов сотнями и меняющий женщин через страницу. Многоуважаемые дамы-писательницы гонят то же самое, с поправкой на пол и твёр-

дой гарантией того, что, хоть главная героиня уродина и стерва, каких поискать, всё равно самый главный красавец-блондин в неё влюбится и женится!

А уж для эстетствующей публики (благо она не многочисленна) создаются псевдоинтеллектуальные героини-спецназовцы-интеллигенты, по пять страниц размышляющие, а не спустить ли курок, и вечно решающие глобальные философские вопросы на осточертевшие темы типа «что есть добро, а что зло с позиции нравственности и экономики?».

Попытайтесь вписать в эти подгруппы Рахиль, Ивана и Миллавеллора... Получится пародия на героев, да? Но парадокс в том, что они-то как раз и не были пародией. Они умудрились оставаться самими собой в любой ситуации, за что и пользовались заслуженной любовью. Чьей? Да хоть друг друга! Разве этого мало?..

– Ваня-а...

– А?

– Я таки опять умерла?

– Ну. Не знаю даже... А как ты сама считаешь?

– Ой, я, как всякая приличная еврейка, имею минимум два мнения. Вам какое первым?

– Любое.

– Почему?

– А что, очерёдность имеет значение?

– Вы меня пародируете или таки умнеете на глазах?!

– Рахиль, я сдаюсь. Только не заводись, и без тебя...

Видимо, молодой подъесаул хотел сказать «тошно», и умненькая иудейка поняла это сразу. Но в обиженку не ударилась и скандалить не полезла. С чисто казачьей практичностью она на четвереньках исследовала то странное место, куда они попали...

– Итак, комментирую по ходу. Мы с вами на широком гладком плато, шо более похоже на здоровущую круглую площадь. Под ногами сплошной чугун со странным запахом перегорелого масла. Вырваться отсюда проблематично, ибо края площади уходят вверх, и в темноте неба их не видно. Подчёркиваю – именно в темноте неба, потому как щас явно не ночь, но тьма вокруг по-египетски удручающая. Тепло...

Иван Кочуев поискал утерянную фуражку, нашёл, надел, поправил козырёк по отношению к чубу и ещё раз огляделся в поисках мятежного эльфа. Увы, уж если кто и умел исчезать практически бесследно, так это всеми любимый, незабвенный Миллавеллор. Его узкий след в этой истории мелькал чрезвычайно своеобразно – если раньше он играл в собственную игру, то теперь, кажется, игра играла им. Мы остановимся на этом поподробнее, но позже...

– Ваня, у меня что-то с нервами. В том плане, шо нервные окончания буквально горят. Особенно окончания на конечностях... Если вы таки поняли, шо я имею?!

– Понял, у самого сапоги дымятся.

– И вас не интересуют мои предчувствия?

– А они у тебя хоть когда-нибудь были хорошими? – беззлобно огрызнулся казак, уже едва не подпрыгивая. – Ей-богу, скоро я тут начну отплясывать, как грешник на сковороде...

– Таки вот! Сковорода! Это то самое слово, которого мне не хватало для полной картины! Мне дико повезло, шо вы такой умный... Я с вас горжусь!

Иван успел лишь нежно обнять её за плечи с вполне определёнными намерениями, когда из черноты небес прямо им под ноги рухнуло обнажённое человеческое тело. Рахиль традиционно взвизгнула и тут же взяла прицел.

– Ты с ума сошла?

– Казак Кочуев, оно шевелится! Дайте я его дострелю, щоб не мучалось, потому как так падать всем пузом – оно же больно!

– И что, после контрольного выстрела в голову ему полегчает? – Молодой человек уверенно опустил ладонь на воронёный ствол автоматической винтовки. – Остынь, перед людьми неудобно...

– Я вас умоляю, перед какими людьми?! – даже не успела развить тему израильская военнослужащая, как люди с неба посыпались буквально друг за дружкой.

Иван и Рахиль с воплями носились взад–вперёд, отчаянно уворачиваясь от падающих тел. Разных – мужских и женских, толстых и тощих, разновозрастных, – но все одинаково голые, а главное, живые!

– Ваня, чего им всем от меня надо?! – надрывалась юная еврейка, чисто по-женски продолжая задавать самые глупые вопросы на ходу. – Шо, этот групповой стриптиз и есть наше божье испытание? По мне, так оно уже смахивает на наказание, нет?!

– Ничего не знаю, – раздражённо отфыркивался казак, вытаскивая сапог, застрявший меж двух рухнувших бедолаг. – Понимаю, что всё это грешники, что будут жариться на сковороде, но народец выглядит жутко довольным! Аж завидно, право слово...

Смех смехом, а ведь постепенно становилось жарковато, как в Аду. Чугун под ногами нагревался так, словно внизу кто-то уверенной хозяйской рукой прибавил газ. Грешные души, вяло толкаясь, развалились, где могли, и жарились от души. Ужасно звучит, но иначе не скажешь...

Слышалось шипение плоти, удовлетворённые стоны, лёгкий запах гари, интимные потрескивания волосков и удовлетворённое урчание грешников. Это был не маразм, не сумасшествие и не акт группового мазохизма – всё гораздо глубже и страшнее. Люди искренне считали, что, испытывая боль, они выполняют волю Всевышнего и, как только она станет воистину нестерпимой, им будет даровано прощение. А там и до Рая недалеко, рукой подать, ага...

Рахиль стояла в самой середине, балансируя на каблуках, с широко раскрытыми глазами, и тихо ругалась на иврите. Молиться в этом месте было некому, никто не услышит. Воздух наполнялся ароматом поджаренного мяса. О сладковатом привкусе человеческой плоти писали многие, так что не будем повторяться...

– Нешине гедахт, нешине гедахт, нешине гедахт!!!

– Хватит лаяться. – Крепкая казачья рука сгребла её за воротник и потащила куда-то вверх, прямо на кучу безвольно копошащихся тел. – Самому противно, вот-вот стошнит, но я ж не мазохист и тебе не советую. Надо думать, как отсюда выбраться, а то ещё накроют крышкой и начнут тушить на медленном огне...

Отважная госпожа Файнзильберминц сделала ещё более круглые глаза, резко позеленела, пытаясь зажать рот ладонями, и...

– Ну вот... а говорила, желудок крепкий. Тебя в самолёте не укачивает?

– Не-э-э... – кое-как успела выдохнуть бедняжка, пока её буквально выворачивало наизнанку.

– Ладно, ладно, это я так, для поддержания разговора. – Молодой человек заботливо похлопал её по спине. – Может, это у тебя от голода?

– Не-э-э... Ваня, вы гад! Тут такое-э-э... везде-э-э... а вы ещё можете думать о продуктах питания? А я ещё не верила, шо в Аду грешников жарят на сковороде и тычут вилами, ой как мне плохо... Или вилками?

– Накаркала, – разом севшим голосом прокомментировал Иван Кочуев.

Глава шестая

О том, что, даже если Судьба выбросила вас в мусорный ящик, это не значит, что вы ни на что не годны. Просто пока вам не нашли применения...

...Из тьмы небес спустилась гигантская вилка, более похожая на ковш экскаватора, с длинными зубьями толщиной в монорельс, и, для виду поковыряв грешников то тут, то там, одним невероятно ловким движением подхватила еврейку и казака!

– Ваня-а! – только и успела пискнуть израильтянка, удобно устроившись перпендикулярно зубьям.

– Рахиль!

– Ваня, вы где? Ой, шо-то мне совсем плохо, так давит пузо... И ещё раз спрашиваю: вы где?!

– Под тобой, – глухо раздалось снизу, и Рахиль всё поняла, потому что именно в критической ситуации умела мобилизоваться быстрее всего. Бравый подъесаул, видимо, соскользнул с вилки, но падать не стремился точно. Он повис на руках, мёртвой хваткой вцепившись в солдатский ремень лежавшей на спине девушки.

– Таки ясно. Неудивительно, шо оно меня так жмёт, а удивительно, если вы мне передадите чего-нибудь жизненно важного. Как говорила моя двоюродная тётя Роза – девочка, если мужчина жмакает тебя за талию ладонями, радуйся! Плакать ты успеешь после сорока, когда на твою талию ему не хватит полного размаха рук... Я радуюсь, Ваня! Вы чуєте? Тогда, может, перевеситесь на шо-нибудь ещё? Почему опять нет? Хорошо, я радуюсь дальше...

Иван не отвечал принципиально. Во-первых, не та ситуация, когда вообще стоит трепать языком, а во-вторых, он следил за дорогой. То есть, образно выражаясь, за тем местом, куда их должна вынести эта гигантская вилка. Наверное, на какую-нибудь тарелку? Тогда ситуация разворачивается согласно бессмертным романам священника Свифта, и можно попробовать копировать сюжетную линию, ведя себя соответственно.

Как вы помните, казак Кочуев был очень начитанный юноша, с хорошим филологическим образованием, а знания редко бывают бесполезными. Ну, исключая тригонометрию и синтез белка в клетках инфузории-туфельки...

Однако ожидаемой тарелочки с голубой каёмочкой впереди не нарисовалось. Один миг, и нашу блистательную парочку просто стряхнули вниз. В самый банальный мусорный бак! Это было горько и унижительно...

– И шо они этим хотели нам доказать? Шо мы таки хуже грешников?! Тех оставили блаженствовать на сковороде, а нас загребли и выбросили, как невкусную муху из полезной манной каши... Вам что как, а мне обидно!

– Да уж, просто выкинули, без объяснений и извинений. – Первым привстал недожаренный подъесаул, протягивая руку любимой. – Но нет худа без добра, мы живы, мы вместе, и я тебя сейчас...

– Так, нет! – твёрдо остановила его Рахиль. – Никаких поцелуев, покуда вы меня не убедите, шо за нами не следят, шо нас здесь тока двое и шо потом нам за это ничего не будет... А чем это пахнет?

– В мусорнике? – не понял молодой человек, тихо обнимая девушку за плечи и сводя голос к интимному полушёпоту: – Тебе в целом или хочешь, чтоб я идентифицировал все составляющие тухлых ароматов?

– Ша, Ваня, он рядом!

– Она права, я рядом, дети мои, – раздалось из соседнего бака. После чего вверх плавно воспарил желтоватый дымок с непередаваемой гаммой запахов. Видимо, на этот раз в самокрутку пошло то, чем был набит мусорник – от рыбьей чешуи до предметов интимной гигиены.

– Убил бы за «всегда не вовремя», – обречённо пробормотал астраханский казак, одним элегантным прыжком покидая мусорный контейнер.

Рахиль столь же грациозно выпрыгнула следом, а вот для того, чтобы извлечь курящего эльфа, бак пришлось попросту перевернуть.

Вставать на ноги седой толкиенист отказался категорически, на прямо поставленные вопросы не отвечал, на пинки и оскорбления не реагировал, а стереть блаженствующее выражение полной нирваны с его тощей морды нельзя было даже крупной наждачной шкуркой. И, самое обидное, что у молодых людей складывалось чётко обоснованное предположение, что этот остроухий тип здесь уже был!

Где здесь? Да вот прямо тут, у ржавого забора из прорванной сетки-рабицы, двух мусорных баков и... небольшого бара, сияющего остатками неоновой рекламы. Всё прочее пространство занимала уже привычная тьма, плотная и густая, как гуталин дяди кота Матроскина. То есть эту тьму можно было резать ножом, но почему-то не хотелось. Она казалась слишком живой и наверняка состояла из чых-то стонов и боли. Ад есть Ад, что вы хотите...

Существует ряд весьма противоречивых теорий по поводу того, что же это за место. Не будем перечислять все, нашей парочке довелось на собственной шкуре испытать прелести почти всех версий. Я веду речь исключительно в том смысле, что если каждый человек получает райскую жизнь сообразно вере своей и своим достоинствам, то что мешает нам прозондировать альтернативную линию от обратного? Ведь в этом случае вполне логично предположить, что и Ад воздаётся за безверие и конкретно определённые проступки, сообразно фантазии самого человека. Получается, выбор проступков и вид наказания исключительно за вами! Вы сами определите свой Ад по собственным страхам и комплексам...

Хотя, замечу, здесь многое всё же зависит от того, каким прилагательным лично вы обозначаете индивидуальную сущность Бога – Господь милосердный или Господь справедливый. От этого уже и пляшем или плачем, выбор опять-таки за вами...

– Ваня, я вас умоляю, сразу открывать дверь ногой невежливо, шоб меня так учила мама!

...В чём-то Рахиль, несомненно, была права, но руки у обоих были заняты, ребята дружно держали на весу умудрённого жизненными обстоятельствами эльфа, который свернул сапожки кренделем и категорически отказывался перебирать конечностями.

– Есть такое понятие, как ситуационная этика, – терпеливо пояснил умный подьесаул. – Короче, либо я ногой, либо ты лбом? Выбирай, любимая!

– Вы меня буквально мучаете за самое родное. Ладно, открывайте ногой, и, может быть, им всем будет нескучно!

Иван Кочуев от души размахнулся, и под мощным казачьим пинком узкая старая дверь едва не сорвалась с петель. Открылся роскошный вид на грязное помещение в латиноамериканском стиле: тусклые лампы, замызганные столы, дешёвая публика и нудное музыкальное оформление. Большого на первый взгляд разглядеть не удалось, так как снабжённая неслабой пружиной дверь мстительно полетела обратно. Казак и еврейка чисто автоматически выставили вперёд беспробудного Миллавеллора...

Бау-у-мс-дзы-н-ныг! Звук был такой, словно в голове старого наркозависимого вдребезги разбилось стекло и отдалось глубоким эхом. Несчастный церемонно открыл левый глаз, важно подтвердив:

– Зеркало Великого духа разбилось в пустоте Бесконечности! Мир совершенен, лишь когда лишён возможности видеть себя со стороны, изнутри и в целом. А если кто-то чего и не понял, то пусть продолжает спать, даже когда путь Дао проложат караванной дорогой меж его ушей...

– Рахиль, рот закрой, – тепло посоветовал молодой человек. – Ты, главное, не вслушайся во всю эту фигню. Верь на слово и заноси, заноси его...

Кое-как втиснувшись в полутёмную залу, все трое мелкими шажками добрались до занюханного столика в углу и бухнулись на скрипучие табуретки. Лысый низкорослый бармен, небритый, как синюшное киви, молча наполнил три непромытых кружки тёплым пивом. Щепетильная израильтянка повела носом и твёрдо решила пожертвовать пойло эльфу. Казак оказался менее требовательным, глотнул, подумал, выплюнул, и довольный Миллавеллор заграбастал себе все три сосуда...

– Это, конечно, не «Месть хоббита» бочковая, но и не «Балтика-12» на денатурате, пить можно! Ваше здоровье, дети мои...

– Ваня, и шо, мы тут проведём кучу интересного времени от заката до рассвета?

– Ага, ценю твой изошрённый юмор, – нервно согласился подьесаул. – Мне тут тоже ни капли не комфортно. Но, между нами говоря, один серьёзный вопрос у нас даже не обсуждался.

– Я вся оттопырила уши!

– Мы так и не определились, куда идём и зачем, – весомо поднял палец Иван.

Рахиль осмотрела палец со всех сторон, подумала, согласилась и кивнула.

Действительно, если уж они в Аду, то куда, собственно, идут: искать свой Рай обратно? И зачем идут, ведь из такого места выйти нельзя. Раз попали, значит, есть за что, и лезть наперекор Божьей воле чревато. Уж в чём в чём, а в этом аспекте у них личный печальный опыт был...

– Не парьтесь, ребяташки, – вдруг радостно вскинулся эльф, выныривая из второй кружки. – Тяжёлый рок изгнанника заставлял меня в разных землях, и эти чёрные края не исключение. Выберемся!

– Казак Кочуев, таки этот тощий симбиоз знает дорогу!

– Угу.

– И что, вы будете за него так спокойны? – не поверила шумная израильтянка. – Таки он имеет в голове маршрут и, возможно, в чемодане карту местности. Давайте по-быстрому отыщем ему тётю Ньюню, и домой, в прежний Рай, я даже согласна (какое-то время!) пожить отдельно на предмет проверки чувств.

– Угу.

– Ваня, я с вас тускнею и вяну! Пока вы бдите мне за спину, я сама нашла полный ответ на оба вопроса, а вы даже угукаете через раз. Шо вы там открыли интереснее, чем меня послушать, на что позарились?

– Девочка, – улыбочиво поднял взгляд всем довольный Миллавеллор, – твой муж, герой и книгочей, лишь пытается тонко намекнуть, что все уже сбросили маски, отравили клыки и идут вас убивать. Бармен, ещё пива! Желательно за счёт заведения...

– Таки оно всё так?!

– Угу, – в последний раз как можно спокойнее подтвердил бывший подьесаул, медленно-медленно вытягивая из ножен проверенную шашку. Серебристая сталь беззвучно покидала ножны, её улыбка была ослепительно смертельна...

– Я даже не успела толком разбежаться на покушать, – горько вздохнула еврейка, резко встала и, нырнув под стол, перевернула его на пол, в мгновение ока соорудив более-менее сносную баррикаду. На счёт «раз-два» «галил» щелкнул затвором и взял на мушку первую мишень. Игры кончились... – Как говорила моя мама: я вся ваша-за-рубль-двадцать-берите-даром-не хочу!

Глава седьмая

О том, что в научно-филологическом диспуте на тему разницы слов «враг», «противник» и «неприятель» автоматическим должен быть не только ваш ответ, но и ваше оружие...

...Здесь на секундочку прервёмся исключительно ради живописания нелицеприятности сложившейся ситуации. И, уж поверьте, «нелицеприятность» – самое подходящее в этом смысле слово. Первым изменилось лицо бармена: брови срослись на переносице, нижняя челюсть выдвинулась вперёд, а не улыбочивый оскал изуродовался длинными звериными клыками.

Словно в классическом фильме ужасов, так же страшно и бесповоротно изменились и остальные завсегдатаи заведения. Семейная пара американских туристов за соседним столиком обернулась уродливыми монстрами; рыжая певица сменила имидж на жуткую упыриху; тапёр за раздолбанным пианино обернулся интеллигентным уродом с вампирской улыбкой; и ещё трое-четверо местных пьянчуг уже и не скрывали выползшие клыки, длинные когти и сбегаящие струйки голодной слюны...

Рахиль молча смотрела на мир в прорезь прицела. Иван с тихим матом пытался вытащить сапог из-под стола, который крайне неудобно опрокинула ему на ногу дочь Сиона, а беззаветный эльф дружески улыбался всем во все тридцать два неровных зуба...

– Побеседуем? – хрипло предложил бармен, вытаскивая из-за стойки охотничий дробовик.

– Угу, – по-казацки коротко ответила еврейка, нажимая на спусковой крючок.

Грохот выстрелов и пороховой дым мгновенно заполнили маленькое помещение, огнестрельное оружие почему-то оказалось почти у каждого. Не меньше десятка стволов ответно огрызнулись свинцом, в то время как наши герои в этом плане были вооружены лишь на тридцать три процента. Шашка, как оружие неогнестрельное, не считается...

– А эти поцмены таки умеют стрелять, – удивлённо и обиженно отреагировала девушка, быстренько прячась под стол. – Ваня, я хочу на них танк!

– Да уж, лупят фашисты, головы не поднять, – сурово подтвердил казак и вдруг хлопнул себя ладонью по лбу. – Хрень под майонезным соусом, у меня ж там эльф брошенный!

Иван сунулся наружу, но револьверная пуля едва не обожгла ему висок, бдительная израильтянка вовремя втянула его за портупею обратно.

– Куда вы всё время храбро лезете, в вас наделают дырок, а я не племенная белошвейка, шоб все их штопать! Нашего дядю убить нельзя, он тот ещё литературный персонаж, где вы слышали, шоб эльфа застрелили из винчестера?! Это ж порухение всех традиций фэнтези! Короче, Господь и Толкиен такого не допустят...

– Таки да! – громко подтвердили с той стороны стола и грустно добавили: – А пива так и не принесли, скупердяи, по две башни им в задницу...

Выстрелы усилились. Возможно, это бармен счёл прозвучавшее предложение обидным. Хотя «Две башни» – всего лишь книга, а не намёк на что-то там интимно-целенаправленное...

– Ша, с меня хватит, – мстительно подобралась Рахиль. – Лично я выбрасываю белый флаг и перехожу к переговорам.

– Ты тронулась, любимая, – не поверил молодой человек. – Они же враги и эти... антисемиты, стопроцентно! Никаких переговоров с террористами, забыла?

– Ваня, вы не дурак, но вы меня пугаете. Я имею примерно три причины желать этого перемирия. Первая, шо они таки достанут вас или меня, это по-любому будет больно, а оно нам надо? Вторая – шо мы договорились изобразить «развод по обоюдному желанию», а такая пальба снова заставляет нас прижиматься друг к другу спинками. Я долго не выдержу и полезу целовать вас сама, а оно надо мне?!

– Третья причина... – подумав, уточнил казак.

Рахиль только посмотрела на него нежно-нежно и, ни слова не говоря, начала расстегивать форму. Иван округлил глаза... потом резко сглотнул и тоже взялся за свой ремень.

– Остыньте весь. Это я не вам. То есть вам, но не про то! Ванечка, я вас умоляю, мне всего лишь надо помахать им чем-то белым. Нет, никуда выходить не надо, достаточно просто отвернуться. Нет, ваша портянка не подойдёт по соображениям эстетики и как факт наличия химического оружия. Или оно ещё и бактериологическое? Всё, я застегнулась, так можете обернуться...

Мрачная морда разлакомившегося подъесаула изображала кладбище разбитых надежд. Спокойная еврейка лирично навязала на ствол своего «галила» кружевной белый лифчик с косточками. Стрельба по-прежнему не смолкала, но едва «белый флаг» взвился над маленькой баррикадой – всё разом прекратилось. Над рядами нападающих даже пронёсся лёгкий вздох восхищения и уважительный свист...

– Таки у кое-кого ещё есть вкус!

Бравый казак спрятал лицо в ладони от позора, а краса и гордость мотострелковых войск государства Израиль гордо встала во весь маленький рост.

– И шо вы от нас похотели? К чему такой шум, нервы, упрёки, претензии... Мы тоже всё понимаем, и, если вам так остро необходим этот суверенный эльф, берите ещё, нате! Было бы из-за чего поднимать конфликт, тоже мне Елена Троянская...

– О чём она? Зачем нам эльф?! – Недоумённо шушукаясь, вампиры и упыри тоже поднялись из своих укрытий. Никто не стрелял, но оружие все держали на взводе...

– Как говорил блаженный Лю Бяо Лунь, создавший неумолимый стиль «банный тазик с ручкой»: если женщина только тебе друг, то либо она страшнее смерти, либо ты – противный мужчина... К чему я это? А-а, без разницы! Ищущие истину меня поймут...

Нападающие дружно предпочли прикинуться интеллектуалами, поэтому тонко улыбнулись, подмигнули друг другу и даже кое-где поаплодировали так, словно изящество восточной философии для каждого играло новыми красками и смыслом.

Если вы замечали, Зло всегда стремится выглядеть умным, это хоть как-то оправдывает его в глазах окружающих. А вот Добро вечно должно быть с кулаками, ибо, как известно, сила есть – ума не надо. Забавные перекосы сознания, не находите?

Ну и не надо. Вернёмся к Рахили, размахивающей лифчиком, как священной хоругвью, и казаку Кочуеву, скорбно стучащему лбом о ножку стола. Ему не хотелось, чтоб на него отвлекались, поэтому стук был тихий и эпизодический...

– Эльфа мы фнаем, он нам не нуфен, – начал могучий бармен, волнуясь и переходя из-за больших клыков на несколько шепелявую речь. Действительно, с такими бивнями во рту удобнее рычать, чем по-человечески разговаривать.

– Жаль, жаль, а что не так? Хорошая порода, прикормлен, воспитан и приучен к ящику с песком. Почему сразу нет? Давайте хотя бы поторгуемся...

– Нуфны фы!

– Ванечка, шо так профыркал этот беременный ёжик?

– Нам нуфны фы! – грозно проревел (справедливо!) оскорбленный бармен, даже не пытаясь хоть чуточку втянуть пузо, это было выше его сил. – Пофледнее слофо – фы станофитесь, как мы, и фифёте с нами на рафных. Станьте фампирами или сдохните!

– Мофем пософетофаться? – без тени иронии поинтересовалась Рахиль, ей кивнули.

Девушка демонстративно вышла из-за стола, подняла за шиворот красного, как наливное яблочко, подъесаула и, развернувшись спиной к противнику, шёпотом призналась:

– А третья причина, по которой я пошла на эту нетрадиционную для армии Израйля акцию, таки то, шо я всё ещё люблю вас, мой смущённый казак! Ой, мама, как же мне оно нравится, говорить вам всё это в лицо и видеть, шо у вас тоже пламенеют уши...

– Рахиль, я... – хрипло начал подъесаул, но еврейка быстро приложила пальчик к его губам. Потом сдвинула брови, подняла левую, показала взглядом на «галил», дёрнула плечиком, пристукнула каблуками. Причём лицо у неё при этом было невероятно спокойное, а глаза буквально вопили: «Если этот рыжеусый шлимазл опять ничего не понял, то я напишу ему это слово гелевой ручкой восемь раз по лампасам!»

Иван Кочуев предпочёл кивнуть, топнуть ножкой, два раза пожать погонями и, вывернув под углом правую бровь, удерживать её, не моргая, с полминуты. Его возлюбленная счастливо выдохнула и вернулась к переговорам.

– Таки мы в принципе на всё согласны. Но есть условие: я не ем свинину, поэтому кровь граждан суверенной Украины не пью принципиально! Вас оно ничем не покоробит? Можете посоветоваться...

Бармен на секунду задумался. Вроде бы ничего противоречащего установленным упыриным традициям в речах девушки не было, но... видимо, такой прецедент им попался впервые, и все сгрудились, шумно обсуждая заданную тему. Впрочем, недоумения разрешились быстро...

– Мы фоглафны!

– А я передумала, – широко улыбнулась госпожа Файнзильберминц, одновременно спускающая курок. Длиннющая очередь из верной автоматической винтовки не умолкала, пока не опустошила весь магазин.

Взору обалдевшего казака предстала гора расстрелянных в упор кровососов...

– Грустно... Но с террористами действительно ведут переговоры только так!

– Это... низко!

– Ваня, я вас умоляю...

– Это подло! Ты обманула их, ты... и меня обманула!

– Ваня, таки не надо смешивать толстое с вкусным...

– Убивать исподтишка недостойно воина! – продолжал бушевать взбесившийся подъесаул. – Ты заговорила мне зубы словами про любовь, а сама только и думала... А я поверил! И кому, кому?!

– Опять антисемитские наезды... – опустила покаянную голову Рахиль. – И шо я, собственно, не так сделала? Спасла хороших нас, убрала плохих их, призналась в личных чувствах, а в результате сижу голодная, дура дурой, и снова кругом виноватая... Не везёт, как тётке Соне в абортарии – ей сказали, шо на восьмом месяце оно уже как-то поздно...

Иван Кочуев в ярости пнул ни в чём не повинный стол, ещё раз обозрел гору трупов, вытащил шашку (видимо, намереваясь дорубить кого-нибудь из милосердия), не нашёл, бросил её обратно в ножны и мрачно бухнулся на пол рядом с невозмутимым старым эльфом.

– Миллавеллор, друг, ну вот хоть ты объясни, зачем она так делает, а?!

Остроухий скорчил скорбную мину и сострадательно кивнул. Израильтянка так же сурово устроилась по другую сторону...

– А я не понимаю шуму. Таки мы же обо всём договорились на тайном языке мимики спецназа. Этот грозный казак сам утвердил мне всю операцию, а теперь у него больные нервы...

Миллавеллор, столь же охотно, развернулся и к ней, кивая и вздыхая, с ничуть не меньшим пылом...

Молодые люди вспыхнули и одновременно вцепились руками в горло двуличному проходимцу.

– А что вы хотите, дети мои? Нет ничего глупее, чем вставать между влюблёнными сердцами, когда их ярость не даёт им воссоединиться. Знаете, чего не советовал делать преподобный Бо Чжень, стоя на балконе и любуясь на линию высоковольтной передачи?

Иван, как мужчина, фыркнул первым. Первым же и протянул руку смущённой девушке. Всё верно, враг есть враг, убили и забыли – хорошая казачья традиция!

- Одна просьба, Рахиль...
- Я вся внимание!
- Лифчик с дуланими...

Здесь, пожалуй, стоит произвести некое псевдолирическое отступление. Порядочен или непорядочен поступок нашей героини с точки зрения современных законов демократического общества? Или, что ещё важнее, с точки зрения романтически настроенного читателя... Лично я в данном случае поддерживаю позицию израильянки – враг должен быть уничтожен, пока он не уничтожил тебя. Впрочем, если есть желание принять мученический венец, бросить автомат и самому подставить лоб под пули – это тоже приемлемый вариант. Но не для меня...

Хладнокровно расстрелять шайку вампиров-людоедов – это якобы не сообразно с традициями казачьей чести! Однако те же казаки-пластуны, выползая по ночам к немецким окопам, втихую вырезали сонными целые взводы германцев и так же тихо исчезали в ночи. Наутро вдоль позиции – одни трупы в подсохших лужах крови! Это честнее и благороднее? Не берусь судить, как и не спешу осуждать...

Глава восьмая

О том, что тропинку к Богу в снежной пустыне неверия каждый из нас пробивает долго и мучительно. А вот скоростное шоссе к человеческому сердцу дьявол всегда строит сам... в один миг!

И всё-таки последующие события показали правоту великодушного подъесаула. Потому что зазвонил телефон...

– Где? – повернула кудрявую голову Рахиль.

– Похоже, за барной стойкой, – определил молодой человек, встал, пошарил под поваленным табуретом и обнаружил среди битого стекла чудом уцелевший чёрный телефонный аппарат. Старенькая трубка едва не подпрыгивала от нудно-громкого трезвона... – Э-э-э... Алло?

– Дорогой Иван Кочуев, мы от всей души рады приветствовать вас в наших пенатах! Будьте так добры, передайте трубочку госпоже Файнзильберминц, – безукоризненно вежливо отозвался густой мужской баритон в недрах мембраны.

– Это тебя. – Пожимая плечом, казак протянул трубку Рахиль.

– Таки да, – осторожно взяла её двумя пальчиками бдительная еврейская девочка и поднесла к уху...

– Добро пожаловать к нам в Ад! Искренне счастливы снова видеть вас на пути греха. Мы получили огромное удовольствие от лицезрения вашей решительной расправы с местными упырями. Так им и надо! Надоели, вечно одно и то же: убьют, высосут кровь и сожрут. Никакой эстетики, ни грамма фантазии, жертва даже испугаться-то толком не успеет. А вы молодец, подошли с выдумкой, у нас на вас большие надежды...

– П-п... прошу прощения, – едва выговорила спавшая с лица израильская военнослужащая, – а с кем я... это... имею? В смысле не имею, а... вообще... ой!

– Временно исполняющий обязанности Вельзевула, дорогуша, – доброжелательно проворковали из трубки. – Мы вас давно ждали, разнарядка лежит ещё с прошлого месяца. В центральный офис доберётесь сами или за вами кого-нибудь прислать?

– Я... не одна, – пискнула Рахиль, едва не садясь на телефон.

– Господин подъесаул может присоединиться. Мы очень надеемся, что вы сумеете сделать из него настоящего грешника. Продолжайте в том же духе, ничего не меняйте, почаще убивайте, лгите, чревоугодничайте, попрелюбодействовать не забудьте, а мы будем вам звонить. До встречи в Геенне Огненной!

Последующие десять, а то и двадцать минут встревоженный Иван Кочуев безрезультатно пытался добиться от своей подружки вразумительного ответа на тему, кто звонил и зачем. Бравая еврейка впала в коматозное состояние любопытной жены Лота... А кто бы не впал?

– Ну и? – Иван Кочуев заботливо приобнял за плечи начинающую всхлипывать Рахиль и всё рассказал сам: – Что, собственно, произошло-то, из Ада звонили? Из Ада, связь громкая, всем всё слышно было. Ну а переживать-то чего? Сколько помнится, у вас в иудаизме вообще понятия «дьявол» не существует...

– Таки да, – жалобно пискнула бедняжка, – но он мне звонил и имел со мной разговор! Почему со мной, потому что я вся сплошная грешница?

– Ещё не вся, – уверенно успокоил казак. – Вот выберемся отсюда, вернёмся в Рай, заберёмся поглубже в кущи, как ты хотела, и там уже оторвёмся до полной закоренелости...

– Ваня, вы это мне нарочно? Чтоб я ещё раз плакала?!

– Ладно, прости, глупая шутка... Просто не принимай всякую телефонную байду близко к сердцу. И помни, в Святом Писании сказано: «Жена да спасётся мужем своим!» И, наоборот, соответственно, вроде тоже. Короче, выходишь за меня, православного, и нет проблем!

– Ага, так и бегу, раздвинув ноги, Ваня, я ваша навеки, – возмущённо оттолкнула его гордая израильтянка. – Шо вы о себе возомнили? Когда я надавала вам стока поводов? Да, сказала, шо люблю. Да, готова подтвердить это письменно, и таки шо?! Замуж у меня не горит, менять веру я не намерена, и давайте же наконец наберёмся терпелу, щоб решать проблемы поочерёдно. Первоочередная – вернуться в Рай!

– Найти мою утерянную любимую, прекрасную принцессу Нюниэль, – поспешил подать голос Миллавеллор.

– Вообще-то, – мрачновато начал бывший подьесаул, – я намеревался сделать официальное предложение, но если ты...

– Да! – радостно откликнулась Рахиль и тут же прикусила язычок.

– Что «да»? – вскинул бровь казак.

– Да, спасём тётю Нюню, – тускло соврала девушка.

– Мудрое и взвешенное решение, – едва ли не прослезился остроухий эльф. – Вперёд, любовник, книгочей и воин! Твоя избранница ждёт от тебя великих дел и подвигов! Дорогу я знаю немного... до леса... там спросим!

О, это романтическое чувство – любовь... Понятие сколь возвышенное, столь же и жуткое. Если бы можно было хоть как-то оставить в жизни только самую светлую и чистую часть легенды о принце на белом коне, если бы только блистательная история про алые паруса имела под собой чуточку иное обоснование... Самую чуточку, но... увы! Увы, бедняжку Ассоль крепко заклинило на сказке об этих алых парусах, и она умудрилась из раннего детства до полного созревания верить в эту фигню и ждать до упора! Причём талдыча об этом всем подряд!

Но всё это однозначно приводит любого зрелого читателя к той же мысли, что стукнула в голову хлебнувшего жизни капитана Грея: «А ведь брюнетки тоже блондинки... Достаточно внаглую поменять паруса на нашем корыте, плыть к берегу, и девчонка моя, с потрохами! Типа, я её принц, раз при алых парусах и на рассвете...» Сработало, как по нотам, за шиворот в шляпку, и прощай, счастливый папа, мы уплыли в светлое завтра!

А назавтра паруса поменяли на проверенную серую джинсу, ибо на шёлке в океане не разгуляешься. Капитан Грей злоупотреблял ромом и имел незащищённые контакты с гаитянскими девушками. Команда считала, что женщина на корабле к несчастью. Сама Ассоль, убедившись в крушении всех иллюзий, сошла на берег в ближайшем порту, где нетребовательно вышла замуж за хозяина таверны, потолстела, нарожала ему шестерых детей и романтическими глупостями по жизни больше не страдала...

Как видите, вывернуть наизнанку любую сказку совсем несложно, достаточно дать ей соприкоснуться с реальностью. Все иллюзии разлетаются в блестящую пыль от первого же лобового столкновения! Вопрос: что же Иван и Рахиль? Они действительно не понимали, что их любовь обречена?! И, согласитесь, обречена вне зависимости от развития событий...

Понимали. Оба. Не идиоты. Но шли рука об руку, никому ничего не доказывая. Может быть, просто потому, что им нравилось случайно касаться кончиками пальцев ладоней друг друга...

Как только наши главные герои под предводительством вечного толкиениста покинули негостеприимное заведение, полное свежерасстрелянных вампиров, здание заколебалось, пошло волнами и неожиданно просто исчезло в воздухе с чмоканьем лопнувшего пузыря. На этом месте встал странный конус чёрной пыли, традиционно схожий с кровавым зиккуратом, но через мгновение и он растворился во тьме...

– Ваня, – храбрая израильтянка на ощупь вцепилась в португую задумчивого подьесаула, – таки я лично ничего в этом не вижу, как говорила мама сестры Таты, когда муж тыкал её носом на голого мужчину в шкафу. Где дорога, где кто, мы уже пришли или ещё не тронулись?

– Если уже тронулись, то точно никуда не придём, – продолжая пребывать в размышлении, буркнул молодой человек. – Миллавеллор, сделайте же что-нибудь! Ведь действительно на расстоянии одного шага ни рожна не видно! И, кстати, что произошло с этой забегаловкой?

– Пропала, как всегда, – равнодушно ответил мягкий баритон остроухого странника. – Я был здесь дважды, скитаясь в несправедливых изгнаниях, это заведение исчезает, как только его обитатели в очередной раз умрут. А кому не известно, какое страшное оружие эльфийский лук и стрелы...

– Ты бы лучше руку дал, говорю же, ничего не вижу!

– Люди несовершенны, идите на голос, дети мои...

Рахиль решительно шагнула вперёд, а Иван Кочуев никогда бы не смог внятно объяснить, какая сила заставила его броситься на девушку, обхватить руками за талию и удержать... в считанных сантиметрах от пропасти...

Тьма над их головами словно взорвалась, резко отодвинутая в сторону одним движением огромной мужской ладони. С высоты небес хлынул тусклый, но вполне достаточный свет. Юная израильтянка только вытаращила глазки, видя, перед какой ужасающей пропастью они замерли. А бледный подъесаул, торопливо озираясь по сторонам, заметил тихо дремлющего эльфа шагах в двадцати сзади! То есть получается, что Миллавеллор спокойненько спал, а чей же голос тогда вёл их к гибели...

– Папа, это нечестно!

– Истинно, сын мой.

– Но, папа...

– Это нечестно, поэтому я этого и не делал...

– Тогда кто?

Глава девятая

О том, что писатель-фантаст сам, своей волей создаёт свои миры. Он творит людей и животных, наделяет их внешностью, характером и душой. Он решает их судьбы и в эти мгновения чувствует себя Богом! Интересно, а что, глядя на него, ощущает Бог...

Эльфа разбудили не скоро. Рахиль капризничала и злилась, потому что была дико голодная, а стащить хоть какую-нибудь мексиканскую лепёшку из бара с вампирами она не рискнула в боязни подхватить какое-нибудь инфекционное заболевание. Латиносы в этом смысле жутко нечистоплотны... Молодой подьесаул к мукам голода относился куда более спокойно, а Миллавеллор вообще питался практически одним дымом. Весьма калорийным, конечно, но это на любителя...

Дорогу, как выяснилось, он не знал, что, впрочем, никого не удивило. Седой эльф, как и всегда, играл в собственную игру, отстаивая исключительно личные, весьма эгоистические интересы. Небо прояснилось, свет просто лился с небес, без всякого участия солнца. Вдоль глубокой трещины посреди ровного поля вела извилистая тропа, на горизонте чернел лес, за ним горы.

Где-то там, видимо, располагался и следующий пункт остановки наших героев – из-за деревьев виднелись узкие струйки взмывающих вверх полос дыма. Так дают о себе знать заводские трубы или хотя бы деревенские кузницы. Земля под ногами была всё так же горяча, в воздухе чувствовалась гарь, и самое обидное, что внятность цели путешествия по-прежнему не объяснялась. То есть никаких следов утерянной принцессы и её замечательного коня, даже намёка на их существование в виде конского навоза с металлическими опилками...

Рахиль топала непривычно молча, о чём-то сосредоточенно думая. Иван безуспешно пару раз пытался завязать с ней разговор, но словоохотливая еврейка отмахивалась односложными ответами, демонстративно не позволяя взять себя под руку. Миллавеллор, как мог, утешал молодого человека, причём делая это весьма специфично...

– Великий Су Дао всегда говорил: «Мужчина выше женщины, сильнее женщины, умнее женщины, совершеннее женщины. Осталось как-то решить проблему с родами...»

– Я люблю её.

– Не менее умный Чунь По цитировал: «Любовь подобна болезни, а от каждой болезни есть своё лекарство. Прими его и спи спокойно, дорогой товарищ...»

– Между прочим, она меня тоже любит.

– Куда более просвещенный Линь Чжу предупреждал: «Мужчина, полюбивший женщину, достоин сострадания. А вот поверивший в любовь женщины заслуживает лишь горького смеха...»

– Чихал я на эту гнилую философию, как принцесса Нюниэль на ближайшего эльфа, – храбро ответил казак. – Я всё равно её не брошу, что бы она там себе ни напридумывала. Бабы все дуры, но каждая по-разному. Эту я, по крайней мере, хоть чуточку знаю...

– И что, помогает?

– Не уверен, – помолчав, признался Иван. – От одного Рая мы сами отказались, из другого нас турнули взашей. Не хотелось бы думать, что из-за неё, но...

– Но библейские параллели набегают сами собой, не правда ли? Наша маленькая Рахиль подобно праматери Еве надкусила запретный плод...

– Ничего она не кусала, меня разве, и то в шутку. А попадись ей обычное яблоко – схрумкала бы не останавливаясь. К продуктам питания она относится беспощадней, чем к антисемитам...

На последней фразе оба мужчины врезались в спину резко остановившейся израильянки. Бывшая военная молча подняла руку, предупреждая вскидывая «галил»

и одним кивком головы указывая на невысокую стену глухого забора, таящуюся в глубине реденького леса. Хлипкие доски были украшены странным знаком – большим жёлтым треугольником в чёрной окантовке, с двумя силуэтами посередине – бегущая маленькая девочка и за ней более высокая мужская фигура. Знак, как вы понимаете, самый общеизвестный, удивляло лишь его местонахождение...

– «Внимание, дети!» – пожав плечами, припомнил молодой человек. – Ну, а с какого боку оно тут? Разве в Аду могут быть дети...

– Хорошая тема, – тихо сквозь зубы процедила Рахиль, от напряжения забыв добавить своё национальное «таки». – И я уже слышу на него ответ с той стороны. А вы?

– Друг мой, ваша избранница непрозрачно намекает на то, что из-за ограды явственно доносятся звуки детского плача, – примиряюще ответил ушастый толкиенист на недоумевающий взгляд подьесаула. – Ничего более определённого сказать не могу, ибо я в этих краях не был. Или был? Не уверен... Но даже если и был, то этого забора здесь не стояло!

Иван Кочуев, не вступая в лишние дискуссии, молча двинулся вперёд широким шагом. Прорвался сквозь почерневший кустарник, снял фуражку, прильнул щекой к щели в досках. Потом резко изменился в лице и, срываясь на бег, резво двинулся вдоль забора влево.

– Мы идём за ним? – зачем-то спросил Миллавеллор.

– Да, но... – Юная еврейка подцепила его пальчиком за поясной ремень, властно притянула к себе и, приподнявшись на цыпочках так, что в тощий живот эльфа упёрлась её решительная грудь, сладко прошептала: – Если я иду впереди, то оно не значит, что глухая, как птица тетерев. Да, мне нельзя его любить. Да, за один поцелуй нас выперли из Рая. Всё так, но... Если вы ещё раз понамекаете Ване, чтоб он меня разлюбил, я собственноручно устрою вам такое обрезание, что тётке Нюне будет реально не на что порадоваться! Это мой казак... Вопросы?

Вопросов у многомудрого Миллавеллора не было. А тонкую, всепонимающую улыбку он позволил себе, лишь когда девушка отвернулась. И, согласитесь, это был акт отчаянной храбрости с его стороны: Рахиль явно находилась не в том состоянии, чтоб безнаказанно сносить эльфийские ухмылочки за спиной... Поэтому он сознательно замедлил бег, в то время как молодые люди едва ли не на полной скорости вылетели к гостеприимно распахнутой калиточке и, не сговариваясь, протолкнулись туда оба, одновременно...

Поступок глупый до чрезвычайности. Как мы уже знаем, каждый второй начитанный потребитель фэнтезийной жвачки вёл бы себя совершенно иначе. Проблема лишь в том, что иначе наши герои просто не могли, и отнюдь не по законам жанра. Иван Кочуев привычно действовал в ладу со своими иллюзиями и личным пониманием того, как в сложившейся ситуации вели бы себя настоящие казаки. А Рахиль... ой, вот с ней всё было гораздо сложнее – её посетили мысли о мученичестве! Чуть позже мы коснёмся этого поподробнее, а пока...

Они замерли бок о бок, с оружием на изготовку, в предвкушении подлой засады или открытой драки, но сценарий был расписан без их ведома и требовал адекватной игры на импровизации.

– Руки вверх, стрелять буду! – грозно взревел отчаянный подьесаул, толкая Рахиль локтем.

– Ша, всем лечь, зарублю на хрен! – столь же сурово, рявкнула боевая еврейка, ответно пиная любимого коленом.

Пару минут они шумно выясняли, кто что первым не так сказал, и уже слишком поздно посмотрели себе под ноги. Оба стояли прямо посередине здорового треугольника, вычерченного на огромной каменной плите. Знак в точности копировал тот, что они видели на заборе.

– Ха...

– Таки в каком смысле?

– Что? А-а, прости, глупая мысль... Этот же дорожный знак «Внимание, дети!», в Интернете был обыгран как «Осторожно, педофилы!». Вспомнилось с чего-то...

– Надо же!

– А самое главное, мне действительно показалось, что тут кто-то гонится за ребёнком. Может, оптическая иллюзия?

– Не смешно.

– И мне...

Да, собственно, там никому уже смешно не было. В то же мгновение (роковое, судьбоносное, знаковое или неподходящее) прямо сверху рухнула плита непроницаемой тьмы, накрыв нашу парочку с головой. Никто и пискнуть не успел. А когда пришли в себя, то, пожалуй, только и пищали. Хотя правильнее – стали говорить друг с другом исключительно тонкими, детскими голосками.

– Дула! Ты сто, ехнулась?

– Сам дулак! А исё д'азнится!

Иван и Рахиль мгновенно захлопнули роты, в тихом ужасе не желая ни понимать, ни тем более принимать свалившуюся действительность. Во-первых, их речь необратимо изменилась, и, хотя уровень жизненного опыта оставался прежним, разговаривали несчастные, как два малыша средней детсадовской группы. Это было плохо, очень плохо, но, видимо, как-то переживаемо...

Гораздо хуже, что чьей-то злой волей изменился и мир вокруг них. Теперь они очутились в сумрачном полуподвальном помещении с сырыми стенами и высоченным потолком. Ни окон, ни вентиляции, одна дверь – железная и надёжная, как в бункере, явно запертая снаружи. На полу некое подобие двуспальной кровати из драных тюфяков и брошенной одежды. По углам мусор, окурки, пустые бутылки, какое-то тряпье. Особую тоску почему-то наводил одинокий игрушечный медведь – самая новая вещь в помещении. У него были абсолютно пустые глаза и порочная улыбка. Неизвестно, какая фабрика мягких игрушек выпустила в свет этого монстра, но пугал он далеко не по-детски...

– Говоила мне мама, не водись с юсскими майсиками, они тебя хоошему не наусят, они его сами не умеют. А если ты наусишь юсских мальсиков, то тебе п'идётся ловить их самушь!

Иван, может быть, и хотел что-то ответить, вступаясь за однобоко критикуемую русскую молодёжь, но не успел – из-за железной двери раздались тяжёлые, шаркающие шаги...

– Я всё маме скажу, – неизвестно кому поугрожала отчаянная иудейка, автоматически передёргивая затвор верного «галила».

То, что вошло в двери, заставило нашу парочку едва ли не присесть от ужаса. В помещение с трудом протиснулась сутулая мужская фигура в сером плаще: каменное лицо, тупо поблескивающие глазки и толстые слюнявые губы. Сконцентрировав взгляд на девушке, фигура удовлетворённо причмокнула...

– Ст'еляй, – тихо попросил казак.

– А вдрюк он не антисемит, – с сомнением протянула израильянка, явно споря чисто по привычке. – Но таки тока 'ади вас – ст'еляю!

Тра-та-та-та-та – по-мальчишечьи оттараторил «галил», посылая в мужчину десяток жёлтых пластмассовых шариков.

Выражение лица Рахиль после такого предательства надо было видеть...

– Руэзлсту ништ афиле ин кейвер! – только и успела выдохнуть она, как была мигом схвачена длинными ручищами маньяка, корявые пальцы с обломанными ногтями так сжали её талию, что израильянка едва не потеряла дыхания.

– Заюблю басуйманина! – не своим (то есть детским фальцетом!) взвыл багровый от стыда Иван Кочуев, выхватывая из ножен жёлтую пластмассовую шашку. Он уже хоть и предполагал нечто подобное, но всё же обиделся не на шутку, отшвырнул бесполезный клинок и пошёл на врага врукопашную.

Схватка кончилась быстро, его просто отшвырнули локтем, а упал молодой человек очень неудачно. Во-первых, затылком об стену, во-вторых, ещё и подвернув левую лодыжку.

Сдавленный крик Рахиль медленно таял в глухом коридоре...

Когда мужчина любит женщину – это хорошо. Факт, устоявшийся веками до состояния такой банальности, что и обсуждению не подлежит. Но вот если взглянуть на ситуацию под иным углом развития событий...

Например, если вашу любимую вдруг резко, без объяснений забрал другой мужчина, так надо ли сразу кидаться на него с кулаками? Всякий интеллигентный человек, разумеется, скажет – нет! Нет, ибо к любому вопросу надлежит подходить разумно и сначала хотя бы спросить... Вдруг он, похититель, очень-очень-очень её любит? Ведь и ей такая страсть тоже может показаться не безразличной? Что, если они созданы друг для друга? Возможно, она сама заслужила и спровоцировала подобное отношение? А вдруг это вообще знак небес, высшая воля, карма и крест, который вы должны нести, все трое? Почему бы и нам не порассуждать на эту тему, господа-читатели...

А вот бывший подъяесаул сам себе плюнул бы в морду, если бы хоть один из этих паскудных вопросов всплыл у него в голове. И он прав!

Глава десятая

О том, что лучшее оружие – это всего лишь то, что попало тебе под руку. Если ничего не попало, то твоё оружие – это ты!

– Юбовник, книхатей и фоин, поя фставать!..

Кто-то сухо и методично нахлёстывал по щекам господина Кочуева, пока тот всё-таки не пришёл в себя.

– Ва'иантов не было, – развёл руками седовласый эльф, – челофека п'иводят в чувство фетром фоты, насатыём в нос или фот так, по сёцкам, по сёцкам...

– Упью!

– А они сп'ятались вон там, – сразу же указал пальчиком Миллавеллор, делая вид, что отнёс данную угрозу к другому адресату. – Я помогу их упить... Побезали?

– Во-пейвых, съезь с меня, – неторопливо начал заводиться казак – время от времени он позволял себе такую роскошь. – Во-вто'их, где это там они сп'ятались?

По идее должно было бы иметь место и «в-т'етих», то есть логичный вопрос на тему: ну, прибежали, а дальше что? Их оружие бессильно, а физически одолеть громадного маньяка вообще нет никакой возможности. Они против него как дети. А Рахиль...

Что Рахиль? Мы обещали вернуться к тому гремучему клубку мыслейвыражений, эмоциональному торнадо, можно даже сказать, противоестественному вулкану чувств, кипящему в её девичьем сердце. Тот случай с вампирами в баре, когда она хладнокровно расстреляла их в упор практически в момент мирных переговоров, и тот телефонный звонок от «и.о. Вельзевула» почти перевернули мировоззрение военнослужащей израильтянки.

Не вдаваясь в глубины психоанализа (да и кто мы такие, чтобы лезть туда и обратно с описаниями?!), скажем коротко: она решила стать мученицей. Да-да! Именно она, та самая Рахиль Файнзильберминц, отважная и решительная еврейка, никогда не сдающаяся и умеющая прямо смотреть в глаза всему: страху, предательству, смерти...

– Ваня, Ванечка, простите меня и помяните, когда на сто грамм доберётесь до водки, – тихо, почти беззвучно, одними губами (а потому без сюсюканья) бормотала она себе под нос, когда дурно пахнущий маньяк тащил её под мышкой по длинному тёмному коридору... – А ведь я жила на земле и не ценила восхода солнца. Меня определили в Золотой Иерусалим на небесах – так я оттуда сбежала. Передо мной открывал ворота Рая сам апостол Пётр, и шо? Мы с одним знакомым казаком сыграли в «поцелуй навывлет», и вылетели оба! Таки я жуткая грешница, а оно мне ещё надо?!

Громадный мужчина остановился. Повернул бритую голову, к чему-то принялся, удовлетворённо заурчал и прибавил скорость. Пару минут спустя он толкнул коленом едва различимую дверь и шагнул в совсем уж непроницаемую мглу. Рахиль почувствовала, как её грубо бросили спиной на что-то плоское, вроде стола или жертвенного камня, её руки и ноги были мгновенно затянуты заранее приготовленными верёвками. Щелчок зажигалки, и помещение постепенно осветилось огоньками шести квадратных свечей...

– Моя девочка, – хрипло протянул похититель, впервые произнеся нечто членораздельное.

Юная еврейка бегло огляделась по сторонам и спокойно закрыла глаза – её самые худшие подозрения оправдывались сверх меры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.